



ИЗЪ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ. ¹⁾

Годичный актъ.—Новые почетные члены Академія.—Преміи и стипендіи курсовъ.—Десятилѣтіе академическаго журнала.—Юбилей проф. А. Д. Бѣляева и проф. Н. А. Заозерскаго.—Памяти почетныхъ членовъ Академіи, бывшихъ ея профессоровъ, Протоіереевъ А. В. Мартынова и Д. Ѳ. Касицына. — Рождественская елка въ академической церковно-приходской школѣ.—Командировка проф. П. В. Попова за границу.

1-го Октября Академія праздновала съ обычной торжественностью свой годичный праздникъ. Наканунѣ, 30-го Сентября, утромъ были совершены заупокойная литургія и великая паннихида по „начальствовавшимъ, учившимъ и учившимся, благодѣявшимъ и служившимъ“ въ Академіи. Съ вечера *былъ* отслуженъ парастасъ. вмѣсто причастнаго стиха на заупокойной литургіи студентомъ 4-го курса Н. Лебедевымъ было произнесено слово, посвященное памяти почившихъ наставниковъ, оставившихъ по себѣ незабвенную память. Паннихиду совершалъ Преосвященный Ректоръ въ сослуженіи всего академическаго духовенства, а парастасъ и заупокойную литургію—о. Инспекторъ.

Въ день праздника литургію совершалъ Преосвященный въ сослуженіи академическаго духовенства, а также и духовенства, прибывшаго на праздникъ изъ Москвы и Посада. За литургіей вмѣсто причастнаго стиха было произнесено слово объ истинѣ студентомъ 4-го курса Л. Поповымъ. Въ словѣ авторъ краснорѣчиво говорилъ о значеніи истины въ жизни человѣка какъ практической, такъ и теоретической, и особенно въ жизни и дѣятельности высшей духовной школы. По окончаніи литургіи *былъ* совершенъ торже-

¹⁾ Окончаніе. См. Бог. Вѣст., Февраль, стр. 366—383.

ственный молебенъ въ сослуженіи многочисленнаго духовенства. Непосредственно по окончаніи богослуженія въ актовомъ залѣ состоялся актъ. Актovou рѣчь читалъ профессоръ по кафедрѣ психологіи П. П. Соколовъ. Рѣчь была написана на тему: „О вѣрѣ“. По прочтеніи рѣчи студенческимъ хоромъ былъ исполненъ концертъ. Затѣмъ вниманію собравшихся на актъ былъ предложенъ отчетъ о состояніи Академіи во всѣхъ отношеніяхъ въ минувшемъ учебномъ году. Послѣ отчета лучшимъ студентамъ Академіи были розданы награды. Въ почетные члены Академіи были избраны слѣдующія лица:

1) Преосвященный Іоаннъ, Епископъ Саратовскій и Царицынскій,—во вниманіе къ его долговременной полезной дѣятельности на поприщѣ служенія духовнаго просвѣщенія въ средней и высшей школахъ; 2) бывший заслуженный ординарный профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи, Статскій Совѣтникъ, Михаилъ Ивановичъ Каринскій,—во вниманіе къ его многолѣтней глубокополезной преподавательской дѣятельности и философскимъ трудамъ высокой научной цѣнности ¹⁾; 3) бывший заслуженный ординарный профессоръ Казанской Духовной Академіи, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Петръ Васильевичъ Знаменскій,—во уваженіе къ его учено-литературной и многолѣтней профессорской дѣятельности; 4) Ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Федоръ Ивановичъ Успенскій,—во уваженіе къ его многочисленнымъ трудамъ по церковной и гражданской исторіи Византіи и церковной археологіи.

Не безплодно прошелъ годъ для Академіи и въ ученномъ отношеніи. Ученныя занятія профессоровъ отличались обычной энергіей. Профессоры Академіи принимали дѣятельное участіе не только въ своемъ академическомъ журналѣ, но и находили еще время работать въ не-академическихъ журналахъ и изданіяхъ.

Ученыхъ степеней Совѣтомъ Академіи удостоены слѣдующія лица:

Степени доктора богословія удостоены и Св. Синодомъ утверждены экстраординарный профессоръ по кафедрѣ Введе-

¹⁾ Воспитанникъ Московской Дух. Академіи.

нія въ кругъ богословскихъ наукъ, магистръ богословія, С. С. Глаголевъ за сочиненіе подъ заглавіемъ: „Сверхъестественное Откровеніе и естественное Богопознаніе въ истинной Церкви“. Харьковъ. 1900 г. Нельзя отъ всей души не привѣтствовать новаго доктора богословія. Имя С. С. Глаголева слишкомъ хорошо извѣстно въ литературѣ, чтобы говорить много о немъ. Авторъ столько работаетъ, какъ немногіе изъ ученыхъ профессоровъ.

Степени магистра богословія удостоены слѣдующіе кандидаты богословія: 1) преподаватель Виѣанской духовной семинаріи Дмитрій Введенскій за сочиненіе подъ заглавіемъ: „Ученіе Вѣтхаго Завѣта о грѣхѣ“. Троице-Сергіева Лавра. 1901 г.; 2) помощникъ Инспектора Московской Духовной Академіи Александръ Покровскій за сочиненіе: „Библейское ученіе о первобытной религіи. Опытъ библейско-апологетическаго изслѣдованія“. Троице-Сергіева Лавра. 1901 г. и 3) преподаватель Уфимской духовной семинаріи іеромонахъ Ѳаддей (Успенскій) за сочиненіе: „Единство книги пророка Исаи“. Троице-Сергіева Лавра. 1901 г. Всѣ изъ новыхъ магистровъ извѣстны и своими литературными трудами, которыя они помѣщали въ различныхъ періодическихъ духовныхъ и свѣтскихъ изданіяхъ.

Фундаментальная академическая библіотека въ учебномъ году пополнилась 1401 названіемъ книгъ, журналовъ и брошюръ въ 5117 томахъ и тетрадяхъ. Изъ наиболѣе цѣнныхъ изданій, на приобрѣтеніе которыхъ Академія никогда не щадила своихъ средствъ, можно отмѣтить слѣдующія:

1) *Mansi*. Sacrorum concilior. nova et ampl. collectio. t. I—VI. 300 франковъ.

2) *Hardouin*. Collectio regia concilior., Vol. 12. 486 марокъ.

3) *Kuno-fischer*. Gesch. d. neueren Philos., Jubil.—Ausg. 129 марокъ.

Богатѣйшія книжныя сокровища Академіи не оставались безъ должнаго вниманія со стороны студентовъ и профессоровъ. Нигдѣ, говорятъ, такъ много не работаютъ въ библіотекѣ, какъ въ Московской Академіи. Покойный Ректоръ Академіи А. В. Горскій не ставилъ въ вину студенту опущеніе даже лекцій, если онъ только въ это время занимался въ библіотекѣ. Требуемыхъ листковъ, по которымъ студенты получаютъ книги изъ библіотеки, въ теченіе года из-

расходовано 6905. Полагая, что по каждому листку среднимъ числомъ было затребовано 4 названія и 7 томовъ, общее количество затребованныхъ студентами книгъ будетъ равняться 27620 названіямъ и 48335 томамъ. Такимъ образомъ на каждого въ годъ приходилось по 129 названій и по 225 томовъ. Профессорамъ и преподавателямъ Академіи было выдано 2320 названій въ 3624 томахъ и тетрадяхъ.

Нельзя съ чувствомъ радости не отмѣтить того, что благотворительныя средства Академіи увеличиваются съ каждымъ годомъ, благодаря учрежденію въ ней различными частными лицами то полныхъ стипендіи, то благодаря единовременнымъ крупнымъ вкладамъ. Среди бывшихъ питомцевъ Академіи начинается все болѣе и болѣе укрѣпляться наисимпатичнѣйшая мысль учреждать въ Академіи стипендіи своего курса.

Такъ, въ 1899 году ординарнымъ профессоромъ Академіи В. А. Соколовымъ, по предварительномъ соглашеніи съ товарищами своего курса, была учреждена при Московской Академіи премія XXIX курса за лучшія кандидатскія сочиненія. На премію собрано 880 рублей. Премія, согласно волѣ жертвователей, выдается черезъ каждые два года. Итакъ, сойдуть со сцены жизни питомцы XXIX курса, а память ихъ будетъ жить не только въ воспоминаніяхъ о нихъ, но и въ болѣе реальномъ и осязательномъ видѣ, въ видѣ матеріальной поддержки, въ видѣ матеріальнаго поощренія ученаго труда,—труда кропотливаго, напряженнаго, награды за бессонныя ночи, за талантливый трудъ. Не велики эти деньги. Но для человѣка, выходящаго на волю изъ теплаго угла безъ копейки и безъ надежды на скорый пріютъ тамъ или здѣсь, это великія деньги. И не разъ юный кандидатъ, осчастливленный денежною наградою, скажетъ спасибо питомцамъ XXIX курса.

По примѣру кандидатовъ XXIX курса въ 1901 году при Московской Академіи положено начало учрежденію полной стипендіи „питомцевъ XXXVII курса“ (1878—1882). Первый внесъ лепту на это благое дѣло въ размѣръ 600 р. Преосвященный Сергіи, Епископъ Уманскій. Какъ и самъ онъ заявлялъ пишущему эти строки, это не послѣдняя его лепта. Онъ обѣщаль пополнить ее въ значительной мѣрѣ новыми своими жертвами. Теперь въ газетахъ и черезъ

Братство Преп. Сергія публикуются свѣдѣнія объ этомъ добромъ дѣлѣ съ цѣлю привлеченія питомцевъ этого курса къ участию въ основаніи полной стипендіи. Въ настоящее время нѣкоторые изъ кандидатовъ „XXXVII курса“ уже откликнулись на это благое дѣло и принесли отъ себя по-сильную лепту.

Пиша эти строки, не могу не остановиться своею мыслию на слѣдующемъ.

Если бы эта добрая идея учреждать при Академіи стипендіи и преміи курса распространилась среди питомцевъ ся возможно въ большихъ размѣрахъ, тогда мы имѣли бы цѣлый длинный рядъ новыхъ стипендій и премій, которыя бы облегчали жизнь будущихъ питомцевъ Академіи. А въ рядахъ ихъ будутъ несомнѣнно со временемъ и потомки принесшихъ лепту въ общую академическую сокровищницу. Такимъ образомъ каждый учреждалъ стипендію какъ бы для себя самого. Но вѣдь есть и другія соображенія при этомъ. Не говоримъ о томъ, что каждый изъ питомцевъ Академіи получилъ отъ нея. Академія дала возможность ему стать на ноги, открыла предъ нимъ извѣстныя общественныя преимущества и путь къ служенію обществу на различныхъ высшихъ постахъ. Если вспомнить, что каждый изъ питомцевъ Академіи взялъ у нея на свое содержаніе болѣе 880 рублей, то мысль о необходимости хотя нѣкоторой уплаты этихъ денегъ станетъ, кажется, еще яснѣе. Мы не говоримъ о томъ, чтобы каждый уплатилъ весь свой долгъ Академіи полностью. Пусть бы онъ уплатилъ только восьмую часть этого долга, притомъ уплатилъ бы въ теченіе всей своей двадцатипятилѣтней службы. Такую уплату нельзя, конечно, считать обременительной, потому что пришлось бы платить ежегодно всего по 4 рубля. Если на курсѣ было 60 человѣкъ, то вѣдь черезъ 25 лѣтъ получилась бы совершенно незамѣтно полная стипендія курса въ 6000 рублей. Если принять во вниманіе, что на каждомъ почти курсѣ бываютъ студенты—монахи, которые могутъ легко взять на себя трудъ уплатить шестую часть стипендіи, что изъ кандидатовъ каждаго курса бываютъ весьма обезпеченные люди, то эта четырехрублевая ежегодная жертва можетъ быть сокращена почти на цѣлый рубль въ годъ.

Если бы мои мысли побудили бы кого-нибудь изъ пи-

томцевъ курса къ основанію при Академіи стипендіи, то вельзя при этомъ не посовѣтовать слѣдующаго. Необходимо рѣшать это дѣло о стипендіи непременно при окончаніи курса, когда всѣ товарищи находятся на лицо, а не разсѣяны по всему лицу земли. Впослѣдствіи многіе успѣютъ забыть Академію, а нѣкоторые и умереть. Да и какой благовременный это моментъ! Вотъ собрались въ послѣдній разъ на прощальную трапезу. Вспоминается все прошлое. Проходятъ предъ взоромъ всѣхъ картины минувшихъ свѣтлыхъ дней. Даются горячіе обѣты помнить другъ друга и завѣты воспитавшей ихъ Академіи...

8-го Ноября академическая корпорація праздновала десятилѣтіе своего академического журнала. Въ этотъ день Преосвященнымъ Ректоромъ Академіи была совершена литургія въ сослуженіи многочисленнаго академического духовенства, а по окончаніи литургіи молебень Безплотнымъ Силамъ. Послѣ благодарственной молитвы въ храмѣ, перешли въ комнаты Преосвященнаго, гдѣ состоялось общее собраніе всѣхъ членовъ академической корпораціи. Не мало было, при этомъ, сказано о прошломъ академического журнала, о настоящемъ его положеніи, о желательной постановкѣ въ дальнѣйшее время. По общему желанію всѣхъ присутствовавшихъ были посланы отъ имени Академіи привѣтственныя телеграммы: Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященному Владимиру, Митрополиту Московскому, покровителю и благодотворителю журнала, и Преосвящ. Антонію, Епископу Уфимскому, основателю журнала. За скромной, но оживленной трапезой, послѣдовавшей за собраніемъ, провозглашались здравицы за бывшихъ и настоящихъ главныхъ дѣятелей по журналу и произносились рѣчи, изъ которыхъ приводимъ здѣсь двѣ: рѣчь теперешняго редактора журнала э.-о. проф. А. А. Спасскаго и рѣчь бывшаго редактора ордин. проф. В. А. Сокотова.

Проф. А. А. Спасскій говоритъ слѣдующее:

„Ваше Преосвященство и все достопочтенное собраніе!

Позвольте мнѣ,—человѣку, поставленному ближе другихъ къ интересамъ академического журнала,—сказать нѣсколько словъ по поводу нашего сегодняшняго собранія.

Въ дѣятельности какого-то бы ни было учрежденія, какъ и въ жизни каждаго отдѣльнаго человѣка, бывають моменты.

когда обычная сутолока вещей, поглощающая вниманіе, отступаетъ назадъ, когда время какъ-бы останавливаетъ свое теченіе, чтобы дать возможность, забывши о заботахъ настоящаго, окинуть однимъ взглядомъ прошедшее, сознательно въглядѣться въ потраченные усилія, подсчитать и оцѣнить достигнутые результаты. Какъ вѣхи на дорогѣ путника, эти моменты служатъ естественнымъ обозначеніемъ пройденнаго пути и вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ мѣру труда, потребнаго еще для достиженія намѣченной цѣли, заставляя взвѣсить свои силы, прежде чѣмъ отважиться на дальнѣйшій путь. Такимъ моментомъ самооцѣнки и является настоящее торжество для нашего академическаго журнала или, иначе говоря, для нашей общей работы по изданію его.

Десять лѣтъ существованія — и существованія несполнѣ блестящаго—это періодъ слишкомъ короткій для того, чтобы могла точно, во всѣхъ деталяхъ проявиться литературная фізіономія журнала и твердо установиться его мѣсто и значеніе въ ходѣ нашей церковно-общественной жизни и духовнаго просвѣщенія. Это—періодъ роста, постепеннаго сформированія журнала, неизбѣжно соединенный съ нѣкоторою неопредѣленностью и колебаніями въ пониманіи его задачъ и направленія,—періодъ, за которымъ должно еще послѣдовать мужественное проявленіе его силъ. Но въ наши дни, когда и болѣе обезпеченныя публицистическія предпріятія возникаютъ и падаютъ чуть не во мгновеніи ока, десять лѣтъ вполне довольно, чтобы провѣрить жизнеспособность журнала и испытать прочность его литературной позиціи. Въ этомъ отношеніи десятилѣтнее прошлое „Богосл. Вѣстн.“ даетъ нѣкоторыя любопытныя наблюденія.

Припомнимъ условія, при которыхъ создавался новый журналъ. Академія тогда переживала тревожныя минуты раздумья: продолжать старое изданіе было невозможно, за отсутствіемъ средствъ; рассчитывать на субсидію свыше не имѣлось основаній; остаться же безъ своего печатнаго органа было неловко и неудобно. И вотъ, въ такихъ-то трудныхъ обстоятельствахъ, какъ единственный почетный выходъ изъ нихъ, возникла и осуществилась мысль объ изданіи новаго ежемѣсячнаго, научно-популярнаго богословскаго журнала. За исключеніемъ небольшого капитала, процентовъ съ котораго не хватило бы для того, чтобы окупить одну книжку, ника-

нихъ матеріальныхъ гарантій, обычныхъ для подобныхъ предприятий, не было и не предвидѣлось. Единственнымъ ручательствомъ за будущее журнала являлись лишь вѣра въ свои силы и надежда на поддержку общества, но и этотъ идеальный капиталъ при встрѣчѣ съ дѣйствительностью долженъ былъ терпѣть жестокаго разочарованія. Новое предприятие не нашло себѣ сочувствія въ тѣхъ сферахъ, одобреніе которыхъ прежде всего могло бы принести осязательную пользу. Зачѣмъ, — говорили, — издавать новый журналъ, да еще съ современными задачами, когда старое изданіе, заслужившее почтенную извѣстность, удовлетворяло цѣлямъ Академіи? Самое названіе новаго журнала подверглось строгой, хотя и негласной, цензурѣ: какія — спрашивали — вѣсти или новости могутъ быть въ богословіи, если оно основывается на преданномъ отъ древности ученіи церкви? И не только въ этихъ сферахъ, но и ближе къ Академіи, внутри ея корпорации (въ этомъ время уже признаться), были лица, не раздѣлявшіе общаго одушевленія, ждавшіе отъ журнала не успѣха, а публичнаго скандала, — и повидимому имѣвшіе на то основанія. Новый журналъ задавался на первый взглядъ необычайными цѣлями — соединить науку и популярность, быть органомъ отвлеченнѣйшей дисциплины и занимать незнакомое съ ней общество, служить одновременно Богу и мамонѣ. Нужно было опасаться чего-либо изъ двухъ: или журналъ не выдержитъ своей позиціи академическаго изданія или не найдетъ ни малѣйшей поддержки у читателей.

Прошло десять лѣтъ — и неосновательность всѣхъ этихъ опасеній фактически доказана существованіемъ журнала. Правда, расчеты основателей его на сочувствіе публики не оправдались въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ оно предполагалось, но это общая участь всѣхъ духовныхъ журналовъ, и причины ея понятны. Напротивъ, для нашего журнала должно быть поставлено въ особую заслугу то, что не смотря на всѣ невзгоды и житейскія затрудненія, онъ съ успѣхомъ выдержалъ борьбу за существованіе и занялъ почетное мѣсто въ ряду своихъ литературныхъ собратій. За все десятилѣтіе онъ ни разу не ронялъ и высокаго званія академическаго изданія; никакихъ новшествъ богословскихъ или церковныхъ онъ не проповѣдывалъ; вездѣ и всегда онъ былъ вѣрнымъ поборникомъ богословской науки, церкви и

православія. Служа интересамъ чистой науки, поскольку это совмѣщалось съ задачами его, онъ въ то же время стремился идти и на встрѣчу потребностямъ читающаго общества и по мѣрѣ силъ удовлетворялъ ихъ, не спускаясь на уровень читателя, но стараясь возвысить его до себя. Наши духовные журналы обыкновенно упрекаютъ въ безжизненности, въ недостатокѣ интереса къ текущимъ вопросамъ времени, но эти упреки въ значительной мѣрѣ объясняются тѣмъ, что часто отъ духовныхъ журналовъ требуютъ того, чего они не могутъ дать по самымъ условіямъ своего бытія. Я не знаю, дѣлалъ-ли кто-нибудь опытъ хотя бы бѣгло просмотрѣть содержаніе книжекъ нашего журнала за истекшее десятилѣтіе.... Этотъ опытъ я дѣлалъ, и былъ пріятно пораженъ количествомъ статей, посвященныхъ современнымъ темамъ. За все десятилѣтіе я затруднился бы указать какое-либо крупное явленіе въ нашей церковной и религіозной жизни, какой-либо замѣчательный фактъ въ области нашего богословія и философіи, который бы не былъ отмѣченъ на страницахъ журнала, не нашелъ бы здѣсь такого или иного отклика. И не только наша родная церковная и научно-богословская жизнь, но и важнѣйшія событія ученой и религіозной жизни Запада всегда находили себѣ здѣсь надлежащее мѣсто и должную оцѣнку.

Конечно, журналъ далекъ еще отъ совершенства; его матеріальное положеніе хотя и удовлетворительно, но непрочно; его распространеніе въ читающей публикѣ, можно сказать, незначительно; его задачи доселѣ не осуществляются въ той степени, въ какой это было желательно. Нужно будетъ еще много общаго труда и энергическихъ усилій, чтобы сдѣлать его дѣйствительною силой духовнаго просвѣщенія и создать ему влияние въ обществѣ. Но уже и истекшая десятилѣтняя дѣятельность журнала, ознаменованная многими плодотворными сторонами, показываетъ, что этотъ трудъ, эти старанія не останутся напрасными, что изданіе журнала, служащаго не только наукѣ, но обществу и просвѣщенію, есть такое дѣло, которымъ стоить заниматься и которое можетъ оправдать себя и нравственно и матеріально. Въ укрѣпленіи этого сознанія, въ подтвержденіи этой жизненности нашего предпріятія я вижу главное значеніе нашего сегодняшняго праздника.

Но всѣмъ этимъ своимъ успѣхомъ, всѣми своими достоинствами и заслугами, журналъ всецѣло обязанъ Вашему, мм. гг., сочувствію къ нему, Вашимъ талантамъ и энергіи. Каждый изъ Васъ вложилъ свою долю труда въ это почтенное дѣло, потратилъ на него и силы и время,—силы и время дорогія, отнятыя иногда отъ другихъ болѣе прямыхъ обязанностей. Празднуемый сегодня юбилей нашего академическаго журнала есть юбилей нашихъ собственныхъ стараний, и каждый изъ насъ имѣетъ полное нравственное право на это скромное торжество.

Предлагаю тостъ за здоровье всей корпораціи Московской Академіи, трудами которой существуетъ журналъ, за здоровье бывшихъ редакторовъ журнала, П. И. Горскаго-Платонова и В. А. Соколова, и за здоровье всѣхъ прежнихъ и настоящихъ сотрудниковъ его.“

Рѣчь проф. В. А. Соколова была отвѣтомъ на провозглашаемый тостъ и многолѣтіе за бывшихъ редакторовъ и состояла въ слѣдующемъ:

„Искренно благодаренъ уважаемому собранію за добрую память и любезное вниманіе“. „Изъ того десятилѣтія Богословскаго Вѣстника, исполненіе котораго мы сегодня празднуемъ, болѣе половины онъ былъ подъ моимъ наблюденіемъ. Не могу сказать, что въ моей жизни эти годы редакторства составляютъ одну изъ лучшихъ страницъ. Правда, было въ нихъ не мало такого, что доставляло и радость и высокій интересъ, но за то, пожалуй, еще больше тяжелыхъ заботъ, безпокойствъ, разочарованій и огорченій. Нѣсколько изъ этихъ лѣтъ совпадали съ тою эпохой, когда и вообще нашей академіи жилось тяжело, журналу же приходилось прямо трепетать за жизнь свою, бороться противъ явнаго стремленія къ его закрытію. Слава Богу, эта пора миновала и Богословскій Вѣстникъ дожилъ теперь до лучшихъ дней! И не скорбю вспоминаю я минувшіе тяжелые годы, а съ радостію, что ихъ уже нѣтъ, и съ надеждою, что подобныхъ никогда впредь не будетъ. Радость моя тѣмъ сильнѣе, что и тяжелые годы ясно мнѣ показали, что свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Навсегда останется въ душѣ моей свѣтлое воспоминаніе и благодарная память о тѣхъ начальникахъ и сослуживцахъ, со стороны которыхъ неизмѣнно встрѣчалъ я во всякую трудную минуту братское сочувствіе, энергичную

поддержку и добрый совѣтъ. — Позвольте-же мнѣ поднять бокаль за тѣхъ, которые въ пору и радости и горя всегда готовы помочь и постоять за общее академическое дѣло!“

Весь праздникъ носилъ задушевный, семейный характеръ и закончился вечернимъ собраніемъ въ квартирѣ редактора.

25-го Ноября академическая корпорація чествовала одного изъ своихъ членовъ, ординарнаго профессора по кафедрѣ Догматическаго богословія, доктора богословія, Александра Дмитриевича Бѣляева, по случаю исполнившагося въ этомъ году 25-лѣтія его учено-литературной и профессорской дѣятельности. Не легко прожить 25 лѣтъ безъ опредѣленныхъ занятій. Еще труднѣе прожить 25 лѣтъ, находясь на высокомъ и отвѣтственномъ посту профессора высшей школы. Окидывая бѣглымъ взоромъ пройденный юбиларомъ путь, положа руку на сердце, можно сказать, что онъ пройденъ съ честью.

Однако исключительное занятіе наукой не сдѣлало Александра Дмитриевича челоуѣкомъ, отгородившимся, такъ сказать, отъ всего свѣта. Изъ тишины своего ученаго кабинета онъ слѣдитъ за всѣми выдающимися явленіями современной жизни. На многія изъ нихъ откликается печатными своими трудами. Подъ его умѣлымъ и внимательнымъ руководствомъ многіе изъ питомцевъ Академіи пишутъ магистерскія диссертациі. Пользуясь вакаціальнымъ досугомъ, онъ совершалъ путешествія по Россіи, ѣздилъ и за границу. Мы не будемъ больше говорить о заслугахъ Александра Дмитриевича: сейчасъ за насъ скажутъ это другіе. Въмѣсто этого укажемъ нѣкоторые изъ его литературныхъ трудовъ: 1) О безбожіи и антихристѣ. Т. I: подготовленіе, признаки и время пришествія антихриста. Серг. Пос. 1898 г. XXIV—1034 стр. 2) Любовь божественная. Опытъ раскрытія главнѣйшихъ христіанскихъ догматовъ изъ начала любви Божіей. Изд. 2-ое, исправл. и дополн. 3) Современное состояніе вопроса о значеніи расовыхъ особенностей Семитовъ, Хамитовъ и Іафетитовъ для религіознаго развитія этихъ группъ народовъ. 4) О соединеніи церквей. 5) Очерки современной умственной жизни. 6) Характеристика археологін. 7) Значеніе повѣствованія пророка Моисея о сотвореніи челоуѣка. 8) Протоіерей А. В. Горскій, Ректоръ Московской Духовной Академіи. Біографическій очеркъ съ портретомъ и др. Не мало А. Д. написано и ученыхъ статей по различнымъ вопросамъ.

Чествованіе происходило въ домѣ юбиляра, куда къ 6 часамъ вечера собралась почти вся академическая корпорація. Прежде всего привѣтствовалъ юбиляра Преосвященный Ректоръ Академіи. Поздравивъ его съ знаменательнымъ днемъ жизни, Преосвященный въ краткихъ, но краснорѣчивыхъ словахъ характеризовалъ всю учено-литературную профессорскую дѣятельность юбиляра. Въ своей рѣчи онъ особенно отмѣтилъ распространенность трудовъ юбиляра, не смотря на ихъ специально богословскій характеръ. Онъ сравнилъ ихъ въ этомъ отношеніи съ сочиненіями свѣтскихъ писателей-богослововъ, труды которыхъ пользуются широкимъ вниманіемъ всего русскаго общества. Широкая распространенность сочиненія несомнѣнно свидѣтельствуетъ о высокомъ духовномъ укладѣ писателя, который невольно привлекаетъ къ нему сердца всѣхъ, хотя бы они и не знали никогда и не видали писателя. Отмѣтилъ Преосвященный въ своей рѣчи и то, что юбиляръ никогда не измѣнялъ своему направленію. Все время его мысль вращалась какъ бы въ одной плоскости. Начавъ свою учено-литературную дѣятельность сочиненіемъ о Богѣ, онъ закончилъ ее сочиненіемъ о великомъ противникѣ Бога антихристѣ. Труды, въ которыхъ юбиляръ раскрывалъ ученіе Бога и Христа Спасителя такими привлекательными чертами, даютъ надежду вѣрить, что силы юбиляра при помощи Божіей не оскудѣютъ еще многіе годы и юбиляръ будетъ еще долгое время украшеніемъ Академіи. Преосвященный закончилъ свою рѣчь пожеланіемъ юбиляру дѣйствительно еще многіе годы трудиться съ успѣхомъ на поприщѣ науки, служить родной Академіи и ея питомцамъ и благословилъ его иконою Спасителя.

На рѣчь Преосвященнаго Ректора А. Д. отвѣчалъ слѣдующее:

„Ваше Преосвященство! Приношу Вамъ глубокую благодарность за любезное поздравленіе и за то, что и починъ празднованія юбилеевъ принадлежитъ Вамъ, хотя, правда, празднованіе юбилеевъ профессоровъ вошло въ обычай въ здѣшней академіи. Благодарю Васъ и за вниманіе къ моимъ ученымъ трудамъ и оцѣнку ихъ. Благодарю Васъ и за поднесенный мнѣ Вами даръ. Эта икона Спасителя будетъ напоминать мнѣ о томъ, чтобы я благодарилъ Бога за подѣ-

ятыя мною при Его помощи въ теченіе 25 лѣтъ профессорскіе и учено-литературныя труды и просилъ Его о дарованіи мнѣ силъ, здоровья, бодрости и Его помощи для дальнѣйшихъ трудовъ моей жизни.

Если къ моей дѣятельности примѣнить евангельскія требованія, то, конечно, она окажется недостаточной. Господь сказалъ: *когда исполните все повелѣнное вамъ, говорите: мы рабы ничего не стоящіе, потому что сдѣлали, что должны были сдѣлать* (Лук. 17, 10). А осмѣлюсь-ли я сказать, что я все сдѣлалъ, что могъ и долженъ былъ сдѣлать? Впрочемъ при такихъ идеальныхъ требованіяхъ и самое празднованіе юбилеевъ едва-ли даже возможно.

Если бы юбиляру сказали, что на его празднествѣ рядомъ съ одобреніемъ и похвалами его достоинствъ и трудовъ требуютъ отчета въ томъ, что имъ не сдѣлано, или сдѣлано дурно, то едва-ли кто либо отважился бы праздновать свой юбилей.

Но есть и другой взглядъ на человѣческую дѣятельность, менѣе возвышенный, взглядъ житейскій, практическій, относительный. При такомъ взглядѣ лучше что нибудь сдѣлать, чѣмъ ничего. При такомъ взглядѣ нельзя и не должно праздновать юбилей туенядцевъ и синекуристовъ, или людей и трудящихся, но столь бездарныхъ, что за какое дѣло они не возьмутся, только напортыть, или и способныхъ, но загубившихъ свои таланты, или, наконецъ, употребившихъ свои силы и способности на зло. Правда, и при житейской точкѣ зрѣнія люди взыскиваютъ за нерадѣніе, упущенія, злоупотребленія и вообще недостатки въ дѣятельности человѣка: но въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, люди изъ приличія умалчиваютъ о недостаткахъ дѣятельности и личности своего сочлена и лишь одобряютъ его труды и достоинства. И такого рода оцѣнка имѣетъ нѣкоторое жизненное значеніе: юбиляръ въ благожелательной оцѣнкѣ своей дѣятельности получаетъ награду за свои труды и поощреніе къ новымъ трудамъ, а его сотрудники имѣютъ случай проявить свои лучшія симпатическія чувства.

Вы изволили высказать одобреніе моимъ главнѣйшимъ ученымъ трудамъ. Хорошія сочиненія — плодъ талантовъ и труда. Таланты отъ Бога. Съ моей стороны нѣтъ заслуги.

что отъ родителей я получилъ не скудный дарованіями духъ. Правда, въ жизни преимущественно за таланты и увѣнчиваютъ похвалами и наградами. Но въ евангельской притчѣ рабы одобрены и призваны принять награду не за то, что они получили много талантовъ, а за то, что они удвоили ихъ. Таланты приумножаются усиліями, трудами. Заслуга человѣка въ томъ, если онъ не закопалъ свои таланты въ землю, а возрастилъ и умножилъ ихъ цѣлесообразнымъ и постояннымъ трудомъ. По дѣлу приращенія талантовъ пусть и не будетъ погрѣшности въ призианіи, что я приложилъ стараніе къ развитію своихъ способностей и что жизнь моя— жизнь трудовая, какъ и всѣхъ преданныхъ наукъ людей; но сказать, что на два данныхъ мнѣ таланта я приобрѣлъ другіе два, я не могу. Развѣ осмѣлюсь думать, что на два таланта я приобрѣлъ одинъ талантъ.“

Потомъ, юбиляра привѣтствовалъ, по выбору и по полномочію академической корпораціи, экстраординарный профессоръ по кафедрѣ Педагогикки А. П. Шостынь. Ораторъ говорилъ:

„Глубокоуважаемый А. Д.!

Исполнилось 25 лѣтъ Вашей профессорской службы въ Академіи. Привѣтствовать Васъ съ этимъ событіемъ мы и собрались теперь. И на меня именно, какъ на старшаго Вашего ученика въ академической корпораціи, возложена обязанность высказать Вамъ это общее наше привѣтствіе, засвидѣтельствовать наше глубокое уваженіе и искреннее сорадованіе по поводу столь знаменательнаго событія въ Вашей жизни.

Всѣмъ намъ хорошо извѣстно, что четверть вѣка учено-профессорской дѣятельности представляетъ трудъ весьма почетный и поприще нелегкое; пройдя его честно и съ пользой для многихъ, всякій имѣетъ достаточное основаніе радоваться. Ваше же профессорское служеніе, А. Д-чъ, соединено съ особенными трудностями и тѣмъ болѣе основаній Вы имѣете теперь радоваться и благодарить Бога. Вамъ, по смерти незабвеннаго А. В. Горскаго, была ввѣрена кафедра Догматическаго Богословія, кафедра особенно важная и отвѣтственная. И Вы съ честію проходили свое служеніе, строго охраняя чистоту и цѣлость православной истинны и въ то же время возводя изложеніе ея до философски-науч-

ной высоты. Академическія лекціи Ваши всегда отличались дивною твердостью и опредѣленностью убѣжденія. Слушатели ихъ непосредственно чувствовали, что Вы раскрываете глубочайшія истины вѣры церковной, сами усвоивъ ихъ сердцемъ во всей полнотѣ.—А Ваше всегдашнее стремленіе философски освѣщать догматы изъ одного высшаго начала возбуждало въ слушателяхъ живѣйшій интересъ, какъ нѣчто новое и оригинальное. Не рядъ параграфовъ и рубрикъ, подтвержденныхъ библейскими текстами да выдержками изъ святоотеческихъ твореній, представляла намъ Догматика въ Вашемъ изложеніи, а живой и внутренно-объединенный организмъ богостроенной истины. Отдѣльныя части и положенія церковнаго вѣроученія поставлялись здѣсь не только рядомъ и въ извѣстной послѣдовательности, но и сливались въ тѣсную органическую связь съ другими основными истинами. Благодаря этому они сами становились болѣе понятными и обоснованными, а равно и тексты Св. Писанія получали болѣе широкое и жизненное выясненіе. Благодаря этому, съ другой стороны, даже и тѣ отдѣлы Догматики, которые считались у насъ съ семинарской скамьи самыми сухими и схоластичными, въ Вашемъ преподаваніи являлись очень интересными

Тѣмъ болѣе интересными и важными для насъ были Ваши чтенія въ тѣхъ отдѣлахъ, въ которыхъ они представляли совершенную новинку не только по методу изложенія, но и по самому содержанію своему, и для которыхъ мы не могли подыскать параллели въ доступной намъ догматической литературѣ.

Таковъ, напримѣръ, былъ весьма обстоятельный очеркъ исторіи православной Догматики съ древнѣйшихъ временъ.

Сверхъ того, интересъ и значеніе Вашихъ уроковъ увеличивались еще отъ обилія историко-догматическаго матеріала, который Вы, при основательномъ знакомствѣ съ святоотеческой литературой, вносили въ курсъ щедрой рукой.

Здѣсь кстати будетъ отмѣтить, что это тщательное изученіе и хорошее знаніе святоотеческой литературы, такъ рекомендуемое православнаго богослова, ощутильнѣе всего было обнаружено Вами, когда въ 1881—2 году Вамъ было поручено временное преподаваніе Патристики. Мы воочию видѣли тогда, что это порученіе не застало Васъ врасплохъ.

Этими воспоминаніями о томъ, что нѣкогда слышала я отъ Васъ въ аудиторіи на студенческой скамьѣ, я и долженъ ограничиться. Не мнѣ судить и оцѣнивать другіе Ваши ученые труды, которые вышли за предѣлы аудиторіи и, появившись въ печати, сдѣлались всеобщимъ достояніемъ. Они нашли уже себѣ надлежащую оцѣнку, когда самъ Святѣйшій Синодъ удостоилъ Васъ высшаго званія доктора богословія „за отличные по своимъ достоинствамъ ученые труды“. Но, упомянувъ объ этихъ трудахъ, я не могу не выразить удивленія по поводу чрезвычайной разносторонности Вашихъ научныхъ интересовъ и занятій. Ведя, по-видимому, замкнутую жизнь кабинетнаго ученаго и погружившись въ специальное изученіе своей науки, Вы однако съ участіемъ слѣдите за наиболѣе важными вопросами, волнующими общественную жизнь, и находите досугъ откликаться на нихъ серьезными изслѣдованіями. Вы не только дарите богословскую литературу капитальными диссертациями по Догматикѣ о любви Божественной и—наконецъ—объ антихристѣ,—но во время благопотребное Вы пишете трактатъ о покоѣ воскреснаго дня,—даете характеристику археологіи,—обсуждаете умственное состояніе современнаго общества,—анализируете ходячія понятія о прогрессѣ и т. далѣе.

А вѣдь всѣ такіе вопросы не входятъ прямо въ область специальныхъ Вашихъ занятій. И мы чтимъ въ лицѣ Вашемъ не узкаго специалиста, не признающаго значенія ни за чѣмъ другимъ, кромѣ своей специальности, но ученаго богослова съ замѣчательно широкимъ умственнымъ кругозоромъ, интересующагося самыми разнообразными вопросами и явленіями общественной жизни и вносящаго въ обсужденіе ихъ обыкновенно игнорируемую богословскую точку зрѣнія. Мнѣ остается добавить, что то самое цѣлостное впечатлѣніе, какое получали студенты отъ Вашихъ уроковъ, непосредственно чувствуя въ нихъ совершеннѣйшее согласіе мысли и слова,—то же впечатлѣніе получаютъ и Ваши сослуживцы, наблюдая въ жизни Вашей столь же совершенное согласіе мысли и дѣла. У Васъ всѣ дѣла и поступки вытекаютъ изъ твердаго внутренняго убѣжденія и неумолимо-строгаго отношенія къ своему профессорскому долгу. Никогда не убоитесь Вы сказать свое вѣсское убѣжденное слово, хотя бы оно шло въ противность лицамъ, выше Васъ стоящимъ, равно

какъ не измѣните Вы этого слова и въ угоду лицамъ, близкимъ къ Вамъ. И всякій, кто подумалъ бы и сказалъ, что то или другое дѣйствіе Ваше объясняется какимъ-либо стороннимъ внушеніемъ, тотъ обнаружилъ бы только, что слишкомъ мало знаетъ Васъ...

Такія почтенныя качества учено-профессорскихъ трудовъ Вашихъ и самаго характера Вашей личности невольно вызываютъ въ насъ чувство глубокаго уваженія къ Вамъ. Сердечно поздравляемъ Васъ съ исполнившимся 25-лѣтіемъ достойнаго служенія Вашего и искренно желаемъ, чтобы оно продолжилось еще многіе годы на пользу богословской науки и на благо нашей Академіи."

На рѣчь Александра Павловича юбиляръ отвѣчалъ слѣдующей рѣчью:

„Достоуважаемый Александръ Павловичъ! Благодарю Васъ, а въ лицѣ Вашемъ всю академическую корпорацію за привѣтственную рѣчь. — Засвидѣтельствованная въ ней разносторонность моихъ познаній, умственныхъ интересовъ и ученыхъ трудовъ есть проявленіе моей любознательности, кажется врожденной. Любознательность облегчаетъ тяжесть умственнаго труда. Тяжелый самъ по себѣ, умственный трудъ, какъ и всякій другой трудъ, становится особенно тяжелъ тогда, когда онъ производится принудительно. Любознательность вызываетъ охоту къ труду, пробуждаетъ жажду къ приобрѣтенію познаній, и умственный трудъ становится трудомъ желаннымъ, легкимъ, пріятнымъ, становится такою же потребностію для духа, какъ пища и питье для тѣла; удовлетворяя влеченіе духа къ знанію, къ обладанію истиной, онъ доставляетъ человѣку высокое духовное наслажденіе, даже можетъ составить счастье жизни.

Любознательность, сопутствуемая трудомъ, обогащаетъ умъ разнообразными познаніями и влечетъ къ изученію разныхъ областей жизни и мысли. Этимъ достигается разнообразіе умственнаго труда, а вмѣстѣ съ разнообразіемъ и пріятность его. Умственный трудъ, особенно разносторонній, не то, что механический трудъ ремесленника, скучный и притупляющій своимъ однообразіемъ, не дающій пищи уму и сердцу человѣка.

Но разносторонность познаній и разнообразіе ученыхъ изслѣдованій имѣли для меня то неудобство, что отвлекали

меня отъ исключительнаго занятія тою наукою, которую я призванъ преподавать въ Академіи. Время и силы, употребленныя на пріобрѣтеніе разнообразныхъ познаній, на чтеніе книгъ и писаніе сочиненій, относящихся къ другимъ областямъ знанія, были отняты отъ изученія своей науки. Въ настоящее время науки разрослись такъ широко, что требуются многіе и многіе годы усидчиваго труда для изученія даже и одной науки. Поэтому теперь специалистовъ много, а энциклопедисты встрѣчаются все рѣже и рѣже. Если бы я всѣ двадцать пять лѣтъ посвятилъ изученію своей науки, то, конечно, я имѣлъ бы возможность изучить ее гораздо полнѣе, разностороннѣе и подробнѣе и написалъ бы большее количество трактатовъ по догматикѣ. Я, однако, предпочитаю разносторонность ученыхъ занятій узкой замкнутости въ области только одной своей науки. Многолѣтнія занятія исключительно одною своею наукою неизбежно суживаютъ умственный кругозоръ и жизнь духа; односторонность занятій съ теченіемъ времени можетъ понизить качество и специальныхъ сочиненій ученаго, хотя количествомъ ихъ онъ легко можетъ превзойти ученаго энциклопедиста.“

Въ заключеніе юбиляра привѣтствовалъ рѣчью убоженный сѣдинами, старецъ профессоръ, старшій среди всѣхъ профессоровъ и какъ бы общій отецъ всей академической корпорации, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Д. Ѡ. Голубинскій. Дмитрій Ѡеодоровичъ говорилъ:

„Достоважаемый

Александръ Дмитріевичъ!

Къ нашему общему поздравленію Васъ, по поводу совершившагося двадцатипятилѣтія Вашей ученой службы, желаю присоединить нѣсколько моихъ воспоминаній.

Вы окончили курсъ въ 1876 году, и осенью того же года начали преподавать дорогой для православнаго Христианина предметъ,—Догматическое Богословіе, которое прежде Васъ преподавалъ Протоіерей Александръ Васильевичъ Горскій.

Конечно, въ первое время Вамъ было очень трудно. И новость и важность дѣла, къ которому были Вы призваны, а вмѣстѣ и мысли о Вашемъ знаменитомъ предшественникѣ естественно смущали Васъ. Однако же Вы не потеряли присутствія духа и со всею энергіею работали для Вашей на-

уки. Проходить немного времени, и начинается уже печатаніе Вашего замѣчательнаго труда: „Любовь Божественная“. Отдѣльною книгою вышелъ сей трудъ во время весны 1880 года, представленъ Вами для полученія степени магистра, въ которой, послѣ бывшей 2 апрѣля защиты Вашей диссертациі, вы скоро были утверждены.

Въ это время я весьма былъ озабоченъ приготовленіемъ церковнаго слова на день годоваго поминовенія приснопамятнаго Архипастыря нашего Митрополита Иннокентія; а потому не имѣлъ времени для чтенія Вашей книги. Но лѣтомъ того же года я всю ее прочиталъ внимательно. Встрѣчаясь съ Вами, я предлагалъ Вамъ нѣкоторыя замѣчанія, и Вы съ любовію ихъ принимали.

Вспомните, съ какимъ вниманіемъ и участіемъ покойный Митрополитъ Іоанникій относился къ экзаменамъ по Догматическому Богословію. Не разъ меня назначали ассистентомъ, и я помню, что онъ часа полтора и болѣе выслушивалъ отвѣты студентовъ.

Съ утѣшеніемъ воспоминаю, что многіе вопросы разъяснялись для меня на этихъ экзаменахъ. И въ разговорахъ я нерѣдко обращался къ Вамъ съ вопросами, и Вы съ любовію рѣшали ихъ. Укажу здѣсь на два примѣра:

Въ 1895 году, когда я работалъ надъ статью: „Открытое письмо по поводу вопросовъ о твореніи міра“, много полезныхъ указаній получилъ я отъ Васъ.

Весною 1896 года, когда я выразилъ Вамъ недоумѣніе, почему слова, взятые изъ сорокъ четвертаго псалма (44, 10), имѣющаго надпись: „Сыновъ Кореевыхъ“, приписываются Давиду въ одной церковной пѣсни, Вы обстоятельно объяснили мнѣ этотъ вопросъ.

Присоединяясь къ нашему общему поздравленію съ двадцатипятилѣтіемъ Вашей ученой службы, я, какъ пожилой, по своему опыту знающій, сколь дорого здоровье для занятій и дѣятельности человѣка, отъ души Вамъ желаю добраго здоровья, дабы Вы еще много и много лѣтъ могли продолжать Ваши ученые труды во славу Божию“.

На рѣчь Дмитрія Ѳеодоровича юбиляръ отвѣчалъ слѣдующей краткой рѣчью:

„Достопочтенный Дмитрій Ѳеодоровичъ! То правда, что по мѣрѣ своихъ силъ и познаній я всегда съ готовностію

и удовольствіемъ старался удовлетворить Вашу любознательность; но уже то одно, что Вы, будучи старше меня, неоднократно обращались ко мнѣ съ своими недоумѣніями и просили разрѣшить ихъ, свидѣлствуетъ о Вашемъ смиреніи. Въ свою очередь и я многократно обращался къ Вамъ съ разными вопросами изъ области естествознанія, и Вы всегда рѣшали ихъ съ любовію и готовностію и съ свойственною Вамъ ясностію и опредѣленностію. Помимо этого, Вы, сами не замѣчая того, учили меня своею жизнію, а иногда деликатно высказаннымъ намекомъ“.

По окончаніи рѣчей гостямъ былъ предложенъ чай, закуска и ужинъ. Въ теченіе вечера не мало было воспоминаній изъ минувшаго юбиляра и родной Академіи. Вспомнили 60-тые годы, весьма памятные юбиляру. Для многихъ они въ настоящее время кажутся какимъ-то своего рода „жупеломъ“. Въ дѣйствительности же, если забыть нѣкоторыя крайности и увлеченія, это были весьма симпатичные годы. Общество въ то время далеко не все раздѣляло тѣ крайнія убѣжденія, какія высказывались нѣкоторыми иногда по вопросамъ знанія, вѣры, жизни. Любопытны воспоминанія Александра Дмитриевича о духовныхъ школахъ того времени со всѣми ихъ свѣтлыми и темными сторонами. Нельзя не отмѣтить того, что юбиляръ первоначальное образованіе получилъ въ городскомъ училищѣ. Нѣкоторые изъ наставниковъ этого училища такъ были талантливы, что А. Д. до сихъ поръ хранитъ память о нихъ. Во время пребыванія въ городскомъ училищѣ А. Д. умѣлъ получить столько свѣдѣній, сколько ихъ въ настоящее время не получаютъ въ школахъ и съ болѣе обширными программами. Находясь въ этомъ училищѣ, онъ познакомился довольно основательно съ однимъ изъ древнихъ языковъ и съ однимъ изъ новыхъ. Въ семинарію онъ поступилъ не изъ духовнаго училища, а изъ городского.—Вообще вечеръ прошелъ весьма оживленно.

20-го Декабря академическая корпорація чествовала другого своего сослуживца, ординарнаго профессора по кафедрѣ Церковнаго права, доктора церковнаго права, Николая Александровича Заозерскаго, по случаю исполнившагося въ этомъ году 25-лѣтія его учено-литературной и профессорской дѣятельности. Мы часто ставимъ предъ своимъ сознаніемъ вопросъ о пережитыхъ нами годахъ, рассматриваемъ ихъ съ различныхъ

точекъ зрѣнія, отмѣчаемъ свои успѣхи или неуспѣхи, всѣ свои плюсы или минусы. Если когда, то на торжествѣ 25-лѣтія учено-литературной дѣятельности вопросъ о томъ, не напрасно ли прожита жизнь, можетъ быть поставленъ съ особенной силой. Просматривая годъ за годомъ всѣ 25 лѣтъ прожитой уже жизни юбиляра, едва ли кто рѣшился произнести судъ не въ пользу юбиляра. Пройденный юбиляромъ путь жизни славенъ такими дѣлами, какія никогда не забудутся, и невольно хочется сказать: о если бы больше было такихъ юбиляровъ... Нѣтъ ничего труднѣе, какъ анализировать сокровенные тайники души человѣческой. Трудно начертать цѣлостную, живую, полную правды картину разносторонней дѣятельности Николая Александровича. Предоставляя слово объ этомъ другимъ, мы отмѣтимъ лишь три отличительныя его черты.

Прежде всего, это — истый профессоръ, преданный всей душой своей наукѣ. Всѣ 25 лѣтъ его жизни прошли за книгой въ тиши ученаго кабинета. Въ теченіе всей жизни его не смутили и не соблазнили никакія прерогативы вышней блестящей шумной и выгодной дѣятельности. Онъ остался вѣрнымъ своей наукѣ и ей только одной служилъ. Изъ-подъ его пера въ теченіе 25 лѣтъ вышло такъ много сочиненій, что мы перечислимъ только главныя, болѣе выдающіяся изъ нихъ. 1) Церковный судъ въ первые вѣка христіанства. 2) Историческое обзорѣніе источниковъ права православной церкви. 3) О церковной власти. 4) Духовное лицо въ званіи третейскаго судьи. 5) Отношеніе св. Православной церкви къ миру и войнѣ по ученію ея каноническаго права. 6) Наставленіе инокинямъ св. Іоанна Постника и ми. др. Замѣчательно, годы упорнаго ученаго труда какъ бы не коснулись Н. А., какъ бы нисколько не сокрушили его энергій. И въ настоящее время мы видимъ его за работой постоянно. То онъ сидитъ за кропотливо-ученой сложной работой по изданію одного памятника трудовъ Іоанна Постника, то пишетъ въ различныхъ журналахъ небольшія статьи.

Второю отличительною чертою Н. А. нужно несомнѣнно назвать его необыкновенную отзывчивость на вопросы современной жизни и литературы. Кабинетная жизнь не отдѣлила его отъ жизни и не закрыла отъ его взора всего, чѣмъ болѣютъ и отъ чего страдаютъ въ жизни идейные и не-идейные люди. Онъ всегда откликнулся на такія явленія

жизни и литературы и шелъ на встрѣчу людямъ съ сильнымъ рѣшеніемъ всѣхъ волновавшихъ и интересовавшихъ ихъ вопросовъ. Онъ писалъ не только въ газетахъ, толстыхъ богословскихъ журналахъ, но и не разъ выступалъ на страницахъ большихъ газетъ. Эту отзывчивость на злобу дня Н. А. сохранилъ до сихъ поръ. То онъ пишетъ замѣтку по поводу одной повѣсти извѣстнаго писателя Боборыкина, въ которой свѣтскій писатель съ развязностью, достойной лучшаго примѣненія, разсуждаетъ о соединеніи церкви, о католицизмѣ и православіи. То выступаетъ въ полемику съ другимъ не менѣ популярнымъ писателемъ Розановымъ, „дешифрируя“ его думы о бракѣ. Начинаютъ писать въ литературѣ о разводѣ,—Н. А. спѣшитъ исторически освѣтить этотъ вопросъ, помочь людямъ разобраться въ путаницѣ понятій и представленій о бракѣ и разводѣ, смягчить суровость требованій, предъявляемыхъ нѣкоторыми къ разводящимся супругамъ.

Третья отличительная черта Н. А.—едва ли не самая симпатичная и едва ли не самая достойная удивленія въ ряду указанныхъ чертъ. Часто думаютъ, что наука охлаждает и понижаетъ религіозное настроеніе человѣка. Вотъ что опровергаетъ собой примѣръ Н. А. Серьезное занятіе наукой не только не охладило его религіознаго чувства, но еще какъ бы болѣе приблизило къ ней. Любовь Н. А. къ церкви всѣмъ извѣстна. За рѣдкимъ богослуженіемъ нельзя видѣть въ академическомъ храмѣ Н. А. Нерѣдко можно видѣть его принимающимъ участіе въ чтеніи и пѣніи въ академическомъ храмѣ. Высокое и почетное титуло ученаго профессора не мѣшаетъ ему снизойти до скромнаго положенія чтеца и пѣвца церкви. И это не личина, созданная модой или приличіемъ, а дѣйствительная, глубоко-искренняя любовь къ св. церкви и ея богослуженію. Необыкновенно трогательно видѣть въ Н. А. и совершенно русскаго человѣка. Наука дѣлаетъ изъ нѣкоторыхъ какой-то конгломератъ различныхъ народностей, симпатій и привязанностей ко всему чужому. Глядя на такого человѣка, не разберешь, что онъ—нѣмецъ, французъ, англичанинъ или—и нѣмецъ и французъ и англичанинъ вмѣстѣ, или какой-то новый неуловимый типъ какой-то новой „общенациональности“. Н. А.—истинный русскій человѣкъ или, лучше сказать, славянинъ. Онъ глубоко

цѣнить истинно-русскія основы жизнепониманія и жизнеустроенія и открыто преклоняется предъ ними тамъ, гдѣ онѣ заслуживаютъ этого.

Чествованіе дорогого юбиляра происходило въ залѣ городской Думы. Лучшаго помѣщенія болѣе нельзя было подыскать. Къ пріѣзду Преосвященнаго Ректора въ Думу, въ залѣ Думы уже собрались профессора Академіи вмѣстѣ съ своими женами, корпорація Виѣанской духовной семинаріи: почти въ полномъ составѣ, родственники и знакомые Н. А. Пріятно было смотрѣть на эту массу собравшихся, на это большое зало, богато освѣщенное люстрами, канделябрами, украшенное по мѣстамъ цвѣтами. Въ комнатѣ чувствовалось какое-то оживленіе, какая-то приподнятость духа, было совершенно праздничное настроеніе.

Первымъ привѣтствовалъ юбиляра Преосвященный Ректоръ Академіи. Въ рѣчи, обращенной къ юбиляру, Преосвященный живыми и яркими чертами начерталъ симпатичнѣйшій нравственный обликъ Н. А. Въ заключеніе своей рѣчи онъ пожелалъ ему еще много лѣтъ трудиться на поприщѣ науки на благо родной Академіи, ея питомцевъ и общества. По окончаніи своей рѣчи Владыка благословилъ юбиляра иконой Спасителя въ сребропозлащенной ризѣ въ дорогомъ кіотѣ.

Вторымъ привѣтствовалъ юбиляра заслуженный ординарный профессоръ Академіи Н. Ѳ. Каптеревъ. По окончаніи своей рѣчи онъ передалъ юбиляру дипломъ на званіе дѣйствительнаго члена Императорскаго Общества Исторіи и Древностей россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Передача диплома была нарочито пріурочена къ этому дню. Хотѣли въ день радости порадовать радостью, которая для ученаго имѣетъ большее значеніе, чѣмъ всѣ внѣшніе различные дары.

И потомъ, юбиляра привѣтствовалъ, по полномочію академической корпораціи, и. д. доцента по кафедрѣ Исторіи и обличенія русскаго раскола П. М. Громогласовъ. Ораторъ говорилъ приблизительно слѣдующее:

„Глубокоуважаемый Николай Александровичъ! Исполнилось двадцатипятилѣтіе Вашего доблестнаго и плодотворнаго служенія православной церкви и наукъ въ качествѣ ученаго изслѣдователя и профессора дорогой нашей *almae matris*.

Двадцать пять лѣтъ учено-просвѣтительной дѣятельности, особенно въ ея прежнихъ, всѣмъ намъ хорошо извѣстныхъ условіяхъ, это такой трудный и тернистый путь, пройдя который, усталому путнику пріятнѣе сознавать, что онъ честно донесъ свое бремя до завѣтной мѣты, чѣмъ намѣчать себѣ новыя цѣли и думать о новомъ напряженіи силъ. И не удивительно, если желаніе отдыха является преобладающимъ настроеніемъ въ душѣ почти каждаго труженика науки въ моментъ, подобный настоящему, когда онъ мысленно окидываетъ взоромъ законченную четверть вѣка своей дѣятельности,—эти долгіе годы самоотреченія и постоянной работы. Но не удивительно и то, если въ такіе именно моменты ближайшіе свидѣтели его трудовъ, тѣ, кто идутъ съ нимъ и за нимъ, выполняя по частямъ одно общее великое дѣло, чувствуютъ больше, чѣмъ когда-либо, потребность не только воздать должную дань уваженія совершеннымъ заслугамъ, но и поддержать въ немъ готовность на новыя усилія и труды. И что можетъ быть естественнѣе и цѣлесообразнѣе въ этомъ случаѣ, какъ не указаніе тѣхъ сторонъ его дѣятельности, благодаря которымъ она получаетъ значеніе не только плодотворнаго труда на безграничномъ полѣ знанія, но и полноценнаго урока, указанія и образца для другихъ? Вотъ въ чемъ, мнѣ кажется, истинный смыслъ юбилейныхъ торжествъ, подобныхъ вотъ этому, на которомъ любезное вниманіе уважаемыхъ коллегъ къ моимъ студенческимъ работамъ подъ Вашимъ руководствомъ доставило мнѣ высокую честь—привѣтствовать Васъ отъ имени академической корпораціи и быть выразителемъ тѣхъ чувствъ, которыя собрали насъ здѣсь въ настоящій моментъ.

Когда говорятъ о заслугахъ лица, являющагося, подобно Вамъ, представителемъ одной изъ отраслей науки въ святилищѣ высшаго знанія, въ его дѣятельности обыкновенно различаютъ двѣ стороны: собственно научную и педагогическую. Въ томъ и другомъ отношеніи Ваше имя уже давно пользуется вполне заслуженною извѣстностью. Широкій кругъ читателей на Руси и внѣ ея знаетъ Васъ, какъ автора солидныхъ ученыхъ изслѣдованій и многочисленныхъ статей, посвященныхъ разнообразнымъ и живымъ вопросамъ церковнаго права, къ разрѣшенію которыхъ Вы всегда умѣете подойти съ прямою убѣжденнаго человѣка и во всеоружіи

научнаго знанія. Смѣнявшіяся одно за другимъ поколѣнія Вашихъ академическихъ слушателей унесли съ собою и разнесли—опять таки далѣе предѣловъ нашей родной земли—представленіе о Васѣ, какъ о талантливомъ профессорѣ, излагающемъ содержаніе своей науки въ выразительной, своеобразно-яркой формѣ, и внимательномъ руководителѣ первыхъ шаговъ начинающихъ работниковъ въ области Вашей науки. Но едва-ли есть надобность говорить отдѣльно и подробно о каждой изъ этихъ двухъ сторонъ Вашей дѣятельности предъ лицомъ настоящаго собранія: учено-литературные труды, достойно увѣнчавшіе Васъ ученою степенью доктора церковнаго права, и Ваша собственно профессорская дѣятельность, безъ сомнѣнія, не меньше, чѣмъ мнѣ, извѣстны каждому изъ здѣсь присутствующихъ, Вашихъ со товарищей и учениковъ. Да будетъ мнѣ позволено, поэтому, отмѣтить лишь нѣкоторыя общія черты, характеристическія для Вашихъ учено-литературныхъ трудовъ и одинаково свойственныя Вашей профессорской дѣятельности.

Въ семьѣ академическихъ преподавателей Вы являетесь представителемъ той одинокой и обособленной у насъ отрасли научнаго знанія, которая, благодаря различнымъ причинамъ и всего больше, какъ кажется, благодаря своему двойственному, богословско-юридическому характеру, долгое время не могла получить надлежащаго значенія и оставалась полузаброшенной, „какъ нелюбимое дитя въ семьѣ родной“. Здѣсь не мѣсто и не время распространяться о томъ, какъ несправедливо и ошибочно было такое отношеніе къ наукѣ, столь близко соприкасающейся своимъ содержаніемъ съ самою жизнью и ея интересами: но нельзя не отмѣтить, что еще и до сихъ поръ ученые изслѣдователи, работающіе въ этой спеціальности, сосредоточиваютъ свое вниманіе почти исключительно на разработкѣ *исторіи источниковъ церковнаго права*, т. е. того отдѣла науки, въ которомъ на первый планъ выступаютъ интересы и приемы историка, а не канониста въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Вопросы *догмы* церковнаго права—наиболѣе важныя и существенныя—остаются поэтому въ большинствѣ лишь едва затронутыми въ нашей канонической литературѣ, и жизнь продолжаетъ руководиться не столько ясно сознанными и научно установленными принципами, сколько не всегда безупречными нормами

практической юриспруденціи. Вамъ, глубокоуважаемый Н. А., больше чѣмъ кому—либо изъ нашихъ канонистовъ обязана русская наука разработкою вопросовъ именно этого порядка.—вопросовъ глубокой практической важности, научному выясненію которыхъ, за немногими исключеніями, посвящены Ваши многочисленные литературные труды. Соединяя съ серьезностью ученаго изслѣдователя живость и отзывчивость публициста, Вы дали въ нихъ превосходные образцы того, какъ должно человѣку Вашей спеціальности понимать свой долгъ предъ наукой и жизнью. Вопросъ объ организаціи церковнаго суда и церковной власти, объ отношеніи православной церкви къ миру и войнѣ, о возможной роли духовенства, какъ органа третейскаго суда, и многіе вопросы брачнаго права, поставленные жизнью,—вотъ главныя темы ученыхъ изслѣдованій, вышедшихъ изъ-подъ Вашего пера въ теченіи истекшей четверти вѣка. Имъ же не менѣе охотно посвящали Вы и Ваши академическія чтенія, хотя здѣсь, разумѣется, Вы были болѣе стѣснены въ своемъ выборѣ рамками систематическаго курса. Это сосредоточеніе интересовъ ученаго канониста на настоящихъ и существенныхъ задачахъ своей науки уже само по себѣ составляетъ высокую заслугу для послѣдней. Цѣнность ея еще болѣе возрастаетъ благодаря тѣмъ приемамъ изслѣдованія, которыя служатъ характеристическою чертою Вашихъ ученыхъ работъ.

Извѣстно, что въ сферѣ Вашей научной спеціальности, какъ и во многихъ другихъ, западно-европейская наука давно опередила насъ. Она переработала разнообразный и хаотическій сырой матеріалъ каноническихъ первоисточниковъ и дала не мало попытокъ привести содержаніе церковно-правовыхъ нормъ въ стройную научную систему. Передъ русскимъ изслѣдователемъ, приступающимъ къ разработкѣ того или другого вопроса, естественно поэтому возникаетъ соблазнъ—увлечься результатами готовой чужой работы и пойти наиболѣе легкимъ путемъ подражанія готовымъ образцамъ, вкладывая содержаніе православнаго церковнаго права въ даваемые ими схемы и, разумѣется, подвергаясь при этомъ почти неизбѣжной возможности—отдать крупную дань той односторонности и тенденціозности, которая нигдѣ, кажется, не заявляетъ о себѣ такъ часто у западныхъ изслѣдователей, какъ при изученіи важнѣйшихъ

изначальныхъ церковныхъ установленій. Но этотъ путь, при легкости своей, уже и неоднократно испытанный въ нашей канонической литературѣ, ни разу не былъ использованъ Вами по глубокому убѣжденію въ его совершенной непригодности тамъ, гдѣ требуется научная работа. Для Васъ, по собственному Вашему признанію, всегда была непреложной истиной и руководящимъ принципомъ мысль великаго нѣмецкаго юриста, что система въ правѣ, какъ и во всякомъ другомъ предметѣ, не должна привноситься *извне*, а должна быть почерпнута *изъ самаго предмета*, если она не хочетъ стать элементомъ не облегчающимъ, а наоборотъ—затрудняющимъ его пониманіе. „Приникнуть къ собственному голосу православнаго церковнаго права, уразумѣть духъ его, со всѣмъ вниманіемъ отнестись къ простымъ, но чрезвычайно разнообразнымъ формамъ его институтовъ“,—вотъ то первое требованіе, которое предъявляете Вы къ православному канонисту и которое, всегда строго примѣненное Вами къ себѣ, даетъ такую высокую цѣнность Вашимъ изслѣдованіямъ. Послѣднія, при своихъ чисто научныхъ достоинствахъ, особенно важны тѣмъ, что въ лицѣ ихъ автора мы имѣемъ строго православнаго канониста, которому совершенно неизвѣстенъ искусственный приѣмъ—втискивать право православной церкви въ чуждыя для него схемы и навязывать его содержанію юридическую логику, ему не соответствующую.

Это характеристическое свойство Вашей ученой дѣятельности—ея полная самобытность, вытекающая изъ уваженія къ научной истинѣ,—сдѣлало неопаснымъ для Васъ и еще одинъ соблазнъ, который нигдѣ, кажется, не угрожаетъ такъ сильно изслѣдователю, какъ именно при разработкѣ вопросовъ права. При выясненіи церковно-юридическихъ нормъ, столь близко затрагивающихъ иногда живые интересы современности, при обсужденіи положеній, въ которыхъ переплетается такъ много разнообразныхъ вѣяній, не всегда легко устоять на высотѣ объективно-научнаго отношенія къ волнующимъ вопросамъ жизни и не уклоняться, въ ущербъ ему, въ сторону тенденціозной публицистики. Такое уклоненіе возможно въ одномъ изъ двухъ направленій: или въ сторону разшатыванія истинно-каноническихъ началъ въ угоду господствующимъ вѣяніямъ времени, или въ сторону отстаиванія во что

бы то ни стало существующихъ формъ и установленій вопреки истиннымъ потребностямъ церковной жизни и духу каноническихъ нормъ. Извѣстно, что то и другое не составляетъ особенной рѣдкости въ нашей ученой литературѣ, быть можетъ, отчасти благодаря составу самихъ источниковъ церковнаго права, своею разновременностью и разнообразіемъ условий, среди которыхъ они возникли, дающихъ полную возможность при рѣшеніи современныхъ вопросовъ брать одно и игнорировать другое, сообразно личному вкусу и потребностямъ даннаго момента. Но этотъ приемъ работы—не для тѣхъ, у кого, подобно Вамъ, сила личнаго убѣжденія идетъ рука объ руку съ уваженіемъ къ научной истинѣ и съ глубокимъ сознаниемъ своего ученаго долга. „Ни официально, ни неофициально, во имя принциповъ своей науки и академической ученой традиціи я отнюдь не могу либеральничать въ наукѣ“,—прямо и мужественно заявляли Вы, когда результаты Вашихъ научныхъ изысканій по одному изъ жгучихъ вопросовъ современности становились въ разрѣзъ съ модными выясненіями. Но съ такимъ же правомъ и не менѣе рѣшительно Вы могли бы заявить и о томъ, что во имя тѣхъ же принциповъ своей консервативной науки Вы не можете быть ученымъ консерваторомъ, отстаивающимъ *statu quo*, когда то или другое явленіе церковной жизни, какова бы ни была его фактическая давность, представляетъ въ основѣ своей лишь злоупотребленіе, не отвѣчающее кореннымъ основоположеніямъ церковнаго права. И вся Ваша дѣятельность ученаго и профессора есть непрерывное доказательство такого взгляда и въ этомъ смыслѣ — высокій нравственный урокъ.

Вотъ тѣ черты Вашей двадцатипятилѣтней учено-просвѣтительной дѣятельности, которыя мнѣ казалось наиболѣе умѣстнымъ напомнить теперь, не входя въ болѣе подробную и всестороннюю ея оцѣнку. Сообщая этой дѣятельности не только большую научную цѣнность, но и высокое воспитательное значеніе въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого понятія, онѣ дадутъ намъ, здѣсь собравшимся Вашимъ сотоварищамъ и ученикамъ, право—привѣтствовать въ лицѣ Вашемъ выдающагося представителя науки, отдавшаго ей долгіе годы плодотворнаго труда и вмѣстѣ съ тѣмъ выразить надежду и увѣренность, что, переступивши во вторую четверть вѣка,

Ваше служеніе научной истинѣ и родной академіи будетъ не менѣ блестящимъ и плодотворнымъ, чѣмъ оно было доселѣ...“

Послѣ официальной рѣчи изъ среды профессоровъ выступилъ старецъ—профессоръ, Д. Ѳ. Голубинскій и обратился къ юбиляру съ слѣдующей рѣчью:

„Достоуважаемый

Николай Александровичъ!

Принимая сердечное участіе въ нашемъ общемъ поздравленіи съ двадцатипятилѣтіемъ Вашей ученой службы, прошу Васъ отъ меня принять нѣсколько воспоминаній.

На должность въ нашей Академіи Вы поступили въ 1879 году, и скоро облизались съ академическою корпораціею. Предъ нами обнаружилось дорогое свойство Вашей души: принимать сердечное участіе и въ нашихъ скорбяхъ и въ нашихъ радостяхъ. Во всякомъ ученомъ трудѣ, хотябы онъ совсѣмъ не относился къ Вашей специальности, Вы готовы были принимать самое горячее участіе. Вспомните нашу встрѣчу въ академической библіотекѣ 1880 года 29 марта. Въ это время я доканчивалъ проповѣдь на день годового поминовенія приснопамятнаго Митрополита Иннокентія. Вы приняли живое участіе въ моемъ дѣлѣ, и предложили мнѣ занимательный рассказъ о почившемъ. 31 марта Вы явились въ Филаретовскую Церковь слушать мою проповѣдь. Послѣ, въ разговорѣ, предложили Ваши замѣчанія, которыми я воспользовался, когда приготовлялъ къ печати мое церковное слово.

Многokrатно предлагалъ я Вамъ вопросы и недоумѣнія, относящіеся къ церковнымъ правиламъ, особенно же, по немощамъ моимъ, къ тѣмъ правиламъ, въ которыхъ говорится о колѣнопреклоненіяхъ, постахъ и о мірскихъ удовольствіяхъ. Всегда со вниманіемъ выслушивали Вы мои вопросы и разрѣшали недоумѣнія.

Осенью 1894 года постигло всѣхъ насъ тяжкое горе: скончался Царь Миротворецъ Александръ III. Съ великимъ утѣшеніемъ я прочиталъ небольшую, однако же исполненную сердечной теплоты, Вашу статью въ память Почившаго.

Когда явился въ печати Вашъ замѣчательный трудъ, за который Вы получили докторскую степень, я читалъ его, предлагалъ Вамъ разные вопросы и замѣчанія мои. Вы съ любовью принимали все это.

Къ нашимъ благожеланіямъ прибавлю слѣдующее:

Да храните Вы навсегда въ сердцѣ Вашемъ ту же горячую къ ближнимъ любовь, какая Вамъ дарована благодатію Божіею.“

Юбиляръ отвѣчалъ на всѣ рѣчи рѣчами. Онѣ были полны глубокаго чувства, искренней благодарности за вниманіе къ нему и сознанія своихъ немощей. Что казалось собравшимся заслугой, то юбиляру казалось дѣломъ обыкновеннымъ, какъ будто бы онъ въ теченіе 25-лѣтней своей службы не совершилъ ничего особеннаго, выдающагося.

По окончаніи рѣчей всѣмъ собравшимся гостямъ юбиляромъ былъ предложенъ чай, а потомъ закуска. Говоря объ этомъ юбилеѣ, нельзя не сказать хотя нѣсколько словъ о томъ поразительномъ одушевленіи, какое было замѣтно вездѣ и всюду, среди гостей юбиляра. Казалось, это была одна родная семья, тѣсно сплоченная одними неразрывными узами, одинъ домъ. И развѣ это не справедливо? Идейныя узы могутъ всего тѣснѣе соединить людей въ одно цѣлое, чѣмъ всякія другія узы. Никто здѣсь не скучалъ. Воспоминанія, разговоры вездѣ и всюду. Во время ужина было предложено не мало тостовъ за юбиляра, сказано нѣсколько рѣчей. Провозглашали тосты даже дамы. Изъ застольныхъ рѣчей мы приведемъ хотя только одну. Эта рѣчь принадлежитъ П. В. Тихомирову, и. д. доцента по кафедрѣ Исторіи философіи. Вотъ она:

„Къ обильнымъ и тонкимъ блюдамъ, услаждающимъ насъ за этимъ пиршествомъ, дозвольте присоединить еще одно моей стряпни. Я желалъ бы преподнести Вамъ для удовлетворенія духовнаго аппетита... самого дорогаго юбиляра нашего, поджареннаго въ соку его собственныхъ добродѣтелей и сдобреннаго соусомъ моихъ моральныхъ впечатлѣній отъ него. Не смущайтесь мыслью, что для филипповскаго поста, теченіе коего мы теперь совершаемъ, это блюдо будетъ скромно. Добродѣтель сама по себѣ есть нѣчто довольно постное, а у человѣка, вступающаго въ шестой десятокъ своего земнаго поприща, да еще знаменущаго это вступленіе изданіемъ номоканона Іоанна Постника,—и тѣмъ болѣе.

Тринадцать лѣтъ тому назадъ скромнымъ искателемъ знаній вступилъ я въ священныя стѣны нашей almae matris. Много сильныхъ и захватывающихъ впечатлѣній нахлынуло

туть въ мою душу. Величавыя и поучительныя традиции сѣдой старины, казалось, осязательно вѣяли отъ самыхъ стѣнъ этого святилища знаній, и потому какую-то своеобразную и острую прелесть получало звучащее въ этихъ стѣнахъ и ими отражаемое „новое слово“, которое возвѣщали намъ жрецы этого храма. А самый сонмъ этихъ служителей, творцовъ и хранителей истины?!... Что за чудная, поистинѣ, коллегія! Сколько разнообразныхъ дарованій и разнородныхъ силъ объединено подъ однимъ знаменемъ!

Въ этомъ сонмѣ сіялъ и нашъ нынѣшній юбиляръ, — тогда еще довольно молодой наставникъ, а теперь уже свѣтило, достигшее своего зенита и, по его собственнымъ словамъ, уже начавшее слегка склоняться къ закату.

Но свѣтила нашего академическаго небосвода, — какъ мы знаемъ по многимъ примѣрамъ прошлаго и настоящаго времени, — въ большинствѣ случаевъ не только свѣтятъ, но и грѣютъ. Какъ и чѣмъ свѣтилъ нашъ любезнѣйшій юбиляръ, — Вы уже знаете изъ блестящей рѣчи Ильи Михайловича. И что я могъ бы къ ней прибавить?! Но наше настоящее торжество было бы неполно, если бы мы не воздали должной дани и той теплотѣ сердечной, которая составляетъ одну изъ основныхъ чертъ его духовнаго образа.

Самое раннее личное воспоминаніе мое о Николаѣ Александровичѣ относится еще къ первому году моего студенчества. Одинъ изъ моихъ земляковъ, получившій назначеніе на службу, пригласилъ меня и другихъ студентовъ — „соотечественниковъ“ отпраздновать это важное въ жизни каждаго изъ насъ событіе. Въ номерѣ гостиницы, гдѣ происходило это скромное торжество, мы встрѣтили и двухъ профессоровъ, одинъ изъ которыхъ оказался Николаемъ Александровичемъ. Живо помню то смущеніе, какое почувствовалъ при этой встрѣчѣ я, привыкшій даже къ своимъ семинарскимъ наставникамъ относиться съ извѣстной долей робости. Но это смущеніе быстро исчезло послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора, мастерски оживленнаго — Вы, конечно, догадываетесь, кѣмъ. Оно смѣнилось чувствомъ искреннаго и глубокаго удовольствія отъ соприкосновенія съ людьми высшей духовной культуры. Сколько тутъ было затронуто и обсуждено капитальныхъ вопросовъ — теоретическаго богословія, философскихъ, нравственныхъ и даже по-

литическихъ! — при томъ, съ весьма оригинальныхъ и довольно неожиданныхъ для насъ-юнцовъ точекъ зрѣнія. Мы просто не замѣчали, какъ летитъ время. Но еще большее впечатлѣніе производилъ на насъ характеръ личнаго настроенія Николая Александровича, сообщавшаго своеобразный колоритъ его рѣчамъ. Тонъ этихъ рѣчей былъ разнообразенъ чрезвычайно: поэтическое одушевленіе, почти пророческій пафосъ незамѣтно переходили въ тонкую иронию, послѣдняя неожиданно смѣнялась рѣзкимъ и дѣловымъ называніемъ вещей ихъ собственными именами; а тамъ смотришь,—уже рѣчь Николая Александровича звучитъ такимъ задушевымъ лиризмомъ, такую любовью къ жизни, со всѣми ея мелкими радостями и горестями, что просто диву даешься и недоумѣваешь, какая сила порождаетъ все это разнообразіе оттѣнковъ. Что одинъ умъ не могъ дарить насъ такимъ фейерверкомъ разнообразныхъ впечатлѣній,—это было очевидно. Помню, мы тогда же поняли, что этотъ энергичный и порывистый пульсъ его богатой духовной жизни обусловленъ, главнымъ образомъ, горячностью его сердца. Да объ этомъ, впрочемъ, могли свидѣтельствовать и самыя виѣшнія ухватки нашего героя (многое уцѣлѣло изъ нихъ и доселѣ, но вѣдь тогда онъ былъ на цѣлыхъ 13 лѣтъ моложе): въ нихъ ясно видѣлся широкій размахъ силъ, открытость души, чуждающейся при встрѣчѣ съ людьми разныхъ условностей.

Шопенгауэръ, господа, сказалъ, что при знакомствѣ съ людьми первое впечатлѣніе никогда не обманываетъ, если только мы его хорошо помнимъ. Справедливость этого мнѣнія я могъ провѣрить на Николаѣ Александровичѣ; потому то я и остановился на этой первой моей встрѣчѣ съ нимъ съ нѣкоторою подробностью. Потомъ, когда я ближе узналъ его, ставъ его сослуживцемъ, я только полнѣе и сознательнѣе изучилъ его душевный складъ, но общее впечатлѣніе осталось то же самое. Отдѣльныя черты нравственнаго характера Николая Александровича раскрывались для меня на фонѣ этого общаго впечатлѣнія. Я позволю себѣ назвать Вамъ нѣкоторыя изъ этихъ чертъ, начиная съ общепризнанныхъ и всѣмъ извѣстныхъ и кончая такими, которыя, можетъ быть, не всѣмъ замѣтны.

Кто не знаетъ *общительности* Николая Александровича? Но, съ другой стороны, и самому нашему обществу

онъ нуженъ не менѣе, чѣмъ... ну, хотя бы протодьяконъ любому кафедральному собору. Зачѣмъ далеко ходить за примѣрами? Не помнимъ ли всѣ мы, какъ мѣсяць съ небольшимъ тому назадъ одно наше скромное академическое торжество казалось блѣдно безъ Николая Александровича (онъ засѣдалъ въ этотъ день въ судѣ), и само наше начальство готово было все свое вліяніе употребить, чтобы только вернуть его въ нашъ соборъ? А наши частныя собранія, прогулки, катанья, бесѣды въ сборной, въ канцеляріи — сколько потеряли бы они въ привлекательности безъ Николая Александровича!?

Но что же дѣлаетъ его столь незамѣнимымъ членомъ нашего общества?—Три свойства могу я назвать здѣсь (если угодно, соотвѣтственно тремъ традиціоннымъ способностямъ души—уму, волѣ и сердцу): своеобразную *вдумчивость*, *широту* и *смѣлость инициативы* и неподдѣльный *альтруизмъ*. Отъ кого, скорѣе его, мы можемъ услышать мѣткое слово, неожиданное сближеніе, дерзновенное снятіе покрововъ съ помысловъ?... Кто лучше его внесетъ иногда оживленность настроенія, веселость шутки, беззавѣтность юнаго дурачества въ наши маленькія развлеченія? Кто этотъ рыцарь, истинный иммортель, не смотря на свою сѣдину и почти генеральское достоинство? И не думайте, чтобы для всего этого не требовалось извѣстной доли самоотверженія. Но я могу назвать его альтруистомъ и не въ одномъ только этомъ отношеніи. Его доброта и отзывчивость и въ болѣе серьезныхъ дѣлахъ принадлежать тоже къ числу общеизвѣстныхъ фактовъ.

Менѣе, быть можетъ, Вы обращали вниманіе на слѣдующее качество, которое я долженъ назвать, но которое весьма важно для истинной оцѣнки личности. Это—глубокая *самобытность* Николая Александровича, дѣлающая его въ высшей степени интересной фигурой въ нашей корпораціи. Сколько разъ я лично удивлялся этой самобытности, бывалъ ею тронутъ, негодовалъ на нее!... Но она неизмѣнно влекла меня къ нему. Въ немъ почти все не похоже на другихъ, въ высшей степени оригинально. Лишь богатый духъ можетъ быть столь не-шаблоннымъ.

Въ заключеніе мнѣ остается указать на одну подробность въ *мировоззрѣніи* и настроеніи Николая Александровича,

которая, по нашимъ временамъ, должна считаться однако не малой нравственной заслугой и, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствомъ о мужествѣ духа. Въ наше время крушенія идеаловъ, всеобщаго унынія и брюзгливаго недовольства жизнью — Николай Александровичъ высоко держитъ знамя *оптимизма* и того, что нѣмцы называютъ „*Lebensgenuss*“. И это — не смотря на пережитыя имъ и извѣстныя намъ тяжкія испытанія его личной жизни!... Невольно хочется думать, что этотъ человекъ знаетъ цѣнность жизни. И не разъ, — по крайней мѣрѣ, у меня, — случайно налетѣвшее пессимистическое настроеніе утихало при одной встрѣчѣ съ этимъ „неисправимымъ“ оптимистомъ. А кто знаетъ?—на одного ли меня онъ производилъ такое впечатлѣніе?

Вотъ какъ рисуется мнѣ нравственный образъ нашего дорогого юбиляра. Сердце мое преисполняется гордостью отъ сознанія, что мы имѣемъ его въ своей средѣ; и я, предлагая тостъ за его здоровье, за то, чтобы онъ еще многіе годы украшалъ нашу Академію, не могу не воскликнуть словами Шиллера по адресу другихъ ученыхъ учреждений:

„Ну, что вы такъ въ землѣ своей

„Дерете носъ подчасъ?

„Не мало доблестныхъ мужей,

„Не мало есть богатырей

„И въ академіи у насъ“!

За здоровье Николая Александровича! Многая ему лѣта!“

Трапеза кончилась уже „сущу поздѣ“... Но почти всѣ оставались гостями юбиляра и долгое время послѣ трапезы.

17-го Ноября Академія лишилась своего почетнаго члена и бывшаго профессора, Протоіерея Александра Васильевича Мартынова, Профессора Богословія Московскаго Сельскохозяйственнаго Института. Тяжелая и преждевременная утрата. А. В. скончался, имѣя всего лишь 44 года отъ роду. Въ свое время Академія живо откликнулась на это горе и осиротѣвшей семьи, и горе учрежденія, любившаго покойнаго, и горе общества. Въ академическомъ журналѣ памяти А. В. уже была посвящена статья (Дек. Стр. 787 слл.)¹⁾.

¹⁾ Пользуемся этимъ случаемъ, чтобы дать мѣсто письму о покойномъ Прот. А. В. Мартыновѣ, полученному изъ провинціи, которое еще лишь

3-го Декабря Академія лишилась другого своего почетнаго члена профессора-протоіерея, редактора-издателя „Душеполезнаго Чтенія“ Д. Θ. Касицына. Профессоромъ Академіи покойный состоялъ съ 1867 года по 1893 учебный годъ включительно. По выслугѣ 25 лѣтъ въ должности штатнаго преподавателя въ Академіи, Совѣтомъ Академіи Д. Θ. удостоенъ званія заслуженнаго экстраординарнаго профессора, съ каковымъ званіемъ и вышелъ въ отставку изъ Академіи.

Въ первый разъ свидѣтельствуемъ о богатствѣ духовныхъ дарованій почившаго. „Изъ газетъ въ свое время я узналъ о постигшей безвременной, 17 ноября прошлаго года, кончинѣ протоіерея Александра Васильевича Мартынова—бывшаго ректора нашей Харьковской духовной семинаріи.—Такие люди, какъ почившій о. протоіерей А. В.,—сказалъ въ своемъ надгробномъ словѣ Н. Заозерскій,—долго связуютъ отдѣльныхъ лицъ въ нравственное общеніе, создаютъ сферу благодарнаго воспоминанія, остающуюся долго по смерти ихъ“. Никогда не забуду и я много дорогого добраго знакомаго о. протоіерея А. В. Мартынова, почтившаго меня въ день празднованія моего пятидесятилѣтняго 4 мая 1894 г. служенія въ священническомъ санѣ нижеслѣдующимъ письмомъ*): „Ваше Высокопреподобіе, Высокопреподобнѣйшій и Достопочтеннѣйшій Отецъ Протоіерей Іоаннъ Лукьячъ! Къ лику голосовъ, привѣтствующихъ Васъ въ настоящій знаменательный день полуковѣковаго служенія Вашего св. Церкви, присоедините и мой слабый голосъ. Не мнѣ разумѣется,—новому и юнѣйшему въ сонмѣ пастырей харьковскихъ,—говорить о высокихъ доблестяхъ Вашего духа и благихъ плодахъ долготѣνια пастырскаго подвига Вашего: всю правду объ этомъ повѣдаютъ сегодня открыто ближайшіе свидѣтели—очевидцы Вашей жизни и дѣятельности. Я буду лишь внимать этому поучительному повѣствованію и обращаю его въ назиданіе для себя самого: въ долговременномъ опытѣ Вашего добраго пастырства поучусь, какъ слѣдуетъ идти тѣмъ путемъ пастырскимъ, которымъ Вы шли цѣлые полъ-вѣка съ такою честью и славою. Живой образъ доблестнаго воина Христова, являемый въ лицѣ Вашемъ, можетъ много одобрить насъ на этомъ многотрудномъ и многоотвѣтственномъ пути. Лично отъ себя я могу внести въ нынѣшній праздникъ небольшую долю участія, это выраженіе глубочайшаго къ Вамъ уваженія и самыхъ искреннихъ благожеланій, которыя и прошу Васъ, досточтимый о. Протоіерей, принять съ полною увѣренностію. Десница Всевышняго, охраняющая Васъ въ теченіи долгихъ лѣтъ минувшихъ,—да сохранитъ Васъ еще на многія и многія лѣта ко благу Церкви Православной и къ утѣшенію духовныхъ чадъ и почитателей Вашихъ! Вашего Высокопреподобія покорнѣйшій слуга и искреннѣйшій благожелатель, Ректоръ Харьковской Духовной Семинаріи, Протоіерей Александръ Мартыновъ“. Прот. Іоаннъ Чижевскій.

*) О. протоіерей Мартыновъ, по нѣкоторымъ независящимъ отъ него причинамъ лично не могъ присутствовать на праздникъ моего юбилея.

Пишущій эти строки помнитъ Д. Θ., какъ профессора по кафедрѣ исторіи и разбора западныхъ исповѣданій. Покойный не оставался безъ слушателей никогда. Къ нему приходили на лекціи не только съ того курса, которому онъ читалъ, но и съ другихъ курсовъ. Не инструкторія и не сухой долгъ влекли студентовъ къ нему въ аудиторію, а то нѣчто весьма особенное, что можно было видѣть, слышать и чувствовать тамъ. Лекціи Д. Θ. не отличались ораторскими достоинствами. Въ нихъ не было внѣшняго блеска, обыкновенно весьма на недолгое время останавливающего вниманіе слушателя. Не поражали онѣ слушателей и массою учености. Не смотря на все это, Д. Θ. всетаки нужно назвать талантливымъ профессоромъ, умѣвшимъ вліять на молодежь, приковать къ себѣ не только вниманіе своихъ слушателей, но и сердца ихъ, что самое главное во всякомъ дѣлѣ. Лекціи его были оригинальны, интересны. Обычно кратко, но необыкновенно колоритно, живо имъ отмѣчались существенныя стороны ученія того или другого инославнаго исповѣданія. Д. Θ. никогда не былъ злостнымъ обличителемъ различныхъ религіозныхъ реформаторовъ Запада, кто бы они не были и что бы они не проповѣдывали. Никогда онъ не смотрѣлъ на западныя исповѣданія, какъ на одну только какую-то сплошную тьму, вѣчную ошибку и непоправимое заблужденіе. Въ его лекціяхъ реформаторы не являлись предъ нами какими-то обманщиками, проходимцами, своего рода мошенниками. Онъ всегда умѣлъ указать въ ихъ дѣятельности весьма свѣтлыя симпатичныя стороны, достойныя всякаго вниманія. Не мало свѣтлыхъ сторонъ указывалъ онъ и въ западныхъ исповѣданіяхъ. Мало того, самые недочеты въ томъ или другомъ западномъ вѣроученіи въ его изложеніи являлись скорѣе печальными ошибками ума, немощной воли человѣческой, стремившейся къ добру и дѣлавшей вмѣсто добра зло, чѣмъ какими-либо другими злонамѣренными соображеніями. И невольно въ душѣ слушателя возникало скорѣе чувство сожалѣнія по отношенію къ извѣстному реформатору, чѣмъ чувство осужденія его или глумленія надъ нимъ. А какую увѣренность звучала рѣчь профессора, когда онъ переходилъ къ изложенію православнаго ученія по тому или другому вопросу сравнительно съ ученіемъ западныхъ исповѣданій. Пріятно было слышать,

какъ мѣрно лилась рѣчь изъ устъ Д. Θ., говорившаго съ необыкновенной увѣренностью въ правотѣ своихъ словъ, высказывавшаго всегда свое убѣжденіе, выстраданное и часто вымученное продолжительною борьбою и страданіями за или противъ извѣстнаго идеала. Можно смѣло сказать о немъ, что онъ не торговалъ словами. Да это и понятно—почему. Д. Θ. ѣздилъ за границу и тамъ въ теченіе года въ шумныхъ городахъ и бѣдныхъ деревенькахъ изучалъ инославныя исповѣданія. Это изученіе религіозной жизни западныхъ людей не по книгамъ, а по живымъ душамъ бѣдныхъ и богатыхъ западныхъ классовъ, живыя бесѣды съ людьми различныхъ западныхъ исповѣданій дали профессору ту увѣренность, съ какою онъ всегда говорилъ своимъ слушателямъ съ каедръ. Это-то глубокое убѣжденіе въ каждомъ своемъ словѣ, чувствовавшееся на лекціяхъ Д. Θ. необыкновенно ясно, и влекло къ нему молодежь, которая жаждетъ слышать отъ своего профессора слово живой правды, слово своей личной вѣры и своего убѣжденія.

Д. Θ. былъ весьма опытнымъ руководителемъ студентовъ въ ихъ юныхъ работахъ по вопросамъ западной догмы. Онъ никогда не обременялъ никого лишнею и непроизводительною работою. Отъ студента, работающаго у него, онъ требовалъ какъ можно больше правды и дѣла, и какъ можно меньше риторизма и лженауки, лжеучености, часто прикрывающей свое убожество безчисленными цитатами и многочисленными выписками...

Оставивъ академическую службу, Д. Θ. несъ на своихъ уже старческихъ плечахъ нелегкое бремя пастырства и редакторства. Тамъ и здѣсь онъ былъ опять не обыкновеннымъ человѣкомъ, а выдающимся, на которомъ останавливались взоры многихъ. Къ пастырскимъ своимъ обязанностямъ онъ относился весьма строго. Богослуженіе всегда совершалъ истово, съ глубокимъ благоговѣніемъ, которое невольно передавалось молящимся вмѣстѣ съ нимъ. Наканунѣ совершенія литургій онъ хранилъ строгое воздержаніе. Не смотря на то, что приходъ его былъ небольшой, по пятницамъ великаго поста, когда его прихожане исповѣдывались, онъ возвращался домой иногда послѣ полуночи. Весьма многое онъ сдѣлалъ для благолѣпія своего храма и для повышенія религіозно-нравственнаго настроенія своихъ

прихожанъ. Прихожане, движимые къ своему въ Бозѣ почившему пастырю любовью, въ день погребенія Д. Θ. и въ 9-й день, на свои средства выдали бѣднымъ людямъ 1500 билетовъ для получения въ дешевыхъ городскихъ столовыхъ бесплатныхъ обѣдовъ.

Глубоко религиозное настроеніе, любовь къ церкви были какъ бы постоянной стихіей покойнаго. Вотъ почему и предъ смертію мысли о храмѣ не оставляли Д. Θ. Передъ смертію потерявъ ясность сознанія, какъ бы перенесясь изъ своего жилища въ храмъ, къ Престолу Божію, онъ сначала произнесъ возгласъ: „Благословено царство Отца и Сына и Св. Духа“, а потомъ прочиталъ по порядку всю литургію, помянулъ на память всѣхъ усопшихъ, которые поминались въ приходской церкви. Окончивъ чтеніе литургіи, онъ сказалъ, что паннихиду надо попросить отслужить о. Θεодора, и все спрашивалъ: „гдѣ записка о новопреставленныхъ?“. Успокоившись мало по малу, онъ сталъ засыпать, повторяя: „Да будутъ милости великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа со всѣми вами“.

Вскорѣ по произнесеніи этихъ словъ, Д. Θ. тихо почилъ, почилъ безболѣзненно, съ тихой улыбкой на устахъ, съ какою онъ отошелъ и въ могилу. Какъ правдиво и хорошо было сказано Преосвященнымъ Виссаріономъ, Епископомъ Костромскимъ, на поминальной трапезѣ по Д. Θ.: „Воспроизведши чинъ литургіи, онъ заснулъ и черезъ нѣсколько минутъ тихо испустилъ духъ, воспарившій къ небесному престолу славы отъ престола благодати, предъ которымъ мысленно предстоялъ онъ, вознося литургійныя молитвы“....

Дѣятельность Д. Θ., какъ редактора у всѣхъ предъ глазами. Свой журналъ онъ счумѣлъ такъ хорошо поставить и такъ широко распространить въ читающей русской публикѣ, какъ не распространень, кажется, ни одинъ изъ русскихъ духовныхъ журналовъ. Нѣтъ нужды говорить о томъ, какую пользу принесъ всему русскому обществу журналъ Д. Θ. Десяткамъ тысячъ людей онъ помогъ разобраться въ путаницѣ современныхъ понятій, идеаловъ, запросовъ. Десяткамъ тысячъ людей далъ возможность сохранить свои христіанскіе идеалы, которые такъ открыто отрицались многими въ печати, которые замѣнялись идеалами и Ницше, и Спенсера, и всякихъ другихъ представителей и выразителей

свободной философской морали. Понятно, поэтому, что вѣсть о смерти Д. Θ. наполнила великою скорбію сердца многихъ. У его гроба было четыре архипастыря, много архимандритовъ, все высшее бѣлое духовенство г. Москвы, множество его знакомыхъ, прихожанъ, духовныхъ дѣтей, сослуживцевъ-профессоровъ. На гробъ его возложено не мало вѣнковъ отъ различныхъ лицъ и учреждений. У его гроба было произнесено нѣсколько глубокопрочувствованныхъ словъ и свѣтскими, и духовными лицами. Развѣ все это не доказательство того, что покойный жилъ не напрасно на свѣтѣ? Думаемъ и глубоко вѣримъ, что онъ былъ дѣйствительно полезнѣйшимъ членомъ общества и прекраснымъ служителемъ алтаря Господня. Вѣчная память ему!

По примѣру прежнихъ лѣтъ, на рождественскихъ каникулахъ, на средства Преосвященнаго Ректора, была устроена елка для питомцевъ академической покровской церковно-приходской школы и для питомцевъ воскресной академической же школы. Елка отличалась солидными размѣрами и весьма хорошо была украшена всякой мишурой, игрушками, конфетами, коробками и коробочками съ различными сластями. Въ дѣлѣ украшенія елки много потрудились студенты-добровольцы. Дѣтскій вечеръ удался на славу. При входѣ Преосвященнаго въ школу, тотчасъ была зажжена елка. Замелькали среди зелени десятки разноцвѣтныхъ огоньковъ. При свѣтѣ ихъ различныя стеклянныя бездѣлушки переливали разноцвѣтными огнями и манили къ себѣ вниманіе „малыхъ сихъ“. Школьникамъ елка казалась какимъ-то сказочнымъ богатствомъ, и невольно забывали они ту бѣдность и суровость неприглядной обстановки, изъ какой только-что пришли сюда. Вечеръ имѣлъ свою „программу“.... На вечерѣ показывался дѣтямъ граммофонъ. На граммофонѣ исполнялись нѣкоторыя пѣсни, рассказы, воспроизводилась различная музыка, звуки различныхъ животныхъ въ мирномъ и немирномъ ихъ состояніи. Далѣе, на вечерѣ былъ очень хорошій симфоніонъ, на которомъ игрались различныя піесы. Потомъ, была панорама различныхъ видовъ родной стороны и иностранныхъ государствъ, городовъ. Наконецъ, одни изъ дѣтей читали басни, другіе рассказы, третьи пѣли свои несложныя дѣтскія пѣсни о „козликахъ“ и т. п. премудростяхъ. Весь этотъ матеріаль былъ распределенъ по

нумерамъ и отдѣленіямъ, изъ которыхъ составилаь довольно большая программа вечера. Въ заключеніе вечера Преосвященнымъ Ректоромъ дѣтямъ, присутствовавшимъ на елкѣ, были розданы книжки, а о. Инспекторомъ—кулечки со сладостями. Все время на вечерѣ царило веселіе. Но особеннаго оживленія вечеръ достигъ тогда, когда стали давать дѣтямъ подарки съ елки. Отъ дѣтей положительно нельзя было отбиться. Одни просили одно, другіе другое. Нѣкоторыя вещи брали съ бою. Когда елка была опрокинута на полъ, все это юное кинулось къ ней, смѣшалось, спуталось, такъ что со стороны казалось какою-то одною темной массой, проворно копошащейся въ зеленыхъ вѣткахъ елки. Нѣтъ нужды говорить о томъ, что въ теченіе вечера не одинъ разъ пѣли устройтелю елки и многая лѣта и кричали даже „ура“...

Заканчивая обзорѣніе академической жизни, не могу не упомянуть еще о командировкѣ за границу съ учеными цѣлями экстраординарнаго профессора по кафедрѣ Патристики И. В. Попова.

Объясняя въ докладѣ Совѣту Академіи мотивы своей поѣздки за границу, И. В. указываетъ на слѣдующее. Трудно изобразить въ немногихъ словахъ громадныя успѣхи, достигнутыя въ послѣднее время западной наукой въ области изслѣдованій памятниковъ патристической литературы. Дружныя усилія ученыхъ направляются къ изслѣдованію извѣстнѣйшихъ книгохранилищъ, изученію хранящихся тамъ древнихъ манускриптовъ, составленію ихъ описаній и каталоговъ. Тщательно изучаются тамъ древніе переводы святоотеческихъ твореній на языки сирскій, армянскій, арабскій, эіопскій, славянскій. Изслѣдованіе рукописей и древнихъ переводовъ твореній отцовъ церкви дало уже обильные плоды. Оно привело къ открытію многихъ неизвѣстныхъ до нынѣ памятниковъ патристической литературы, которые не только освѣщаютъ намъ жизнь древней церкви съ новыхъ сторонъ, но и оказываютъ незамѣнимыя услуги въ дѣлѣ правильнаго истолкованія уже извѣстнаго намъ научнаго матеріала. Оно оживило въ послѣднее время ученую дѣятельность по пересмотру и перензданію уже извѣстныхъ текстовъ твореній отцовъ церкви. Строго научный, объективно-безпристрастный методъ, по какому въ Германіи изучаются патристическіе памятники, заслуживаетъ также всякаго внѣ-

манія и изученія. Благодѣтельные плоды этого метода уже успѣли обнаружиться въ различныхъ отраднѣхъ явленіяхъ. Благодаря ему ученые самыхъ противоположныхъ лагерей теперь сходятся во взглядахъ на извѣстные памятники и даютъ одинаковые отвѣты на различные патристическіе прежде спорные вопросы. Нѣкоторые вѣковые споры между католиками и протестантами теперь рѣшены и притомъ въ смыслѣ, благопріятномъ для церковнаго преданія. Этотъ методъ у самого Гарнака вынудилъ знаменательное признаніе: „въ критикѣ древнѣйшихъ источниковъ христіанства мы безъ сомнѣнія отступаемъ назадъ къ даннымъ церковнаго преданія“. Плодомъ упроченія этого метода было полное паденіе школы Баура, надѣлавшей въ свое время столько шума и вреда. Заслуживаетъ вниманія и самая постановка преподаванія патристики въ германскихъ университетахъ. Тамъ слушателей еще на школьной скамьѣ знакомятъ съ бібліотеками, палеографіей, исторіей греческаго и латинскаго языка, предлагаютъ ихъ вниманію отдѣльные курсы общей исторіи греческой и римской литературы, исторіи философіи, исторической географіи, исторіи государственнаго управленія Греціи и Рима, исторіи древней риторики и поэзіи. Всѣ эти вспомогательныя науки сколько облегчаютъ каждому учащемуся серьезное занятіе наукой, столько же даютъ возможность имѣть самое вѣрное пониманіе и знаніе каждаго памятника патристической литературы. Наконецъ, лекціонная система въ западныхъ университетахъ уравнирована и дополнена системою семинарій и практическихъ занятій подъ руководствомъ опытныхъ профессоровъ. Такъ, преподаваніе палеографіи состоитъ не въ сообщеніи одной только теоріи, но сопровождается упражненіемъ въ чтеніи и опредѣленіи древности образцовъ. Преподаваніе церковной исторіи и патрологіи связано съ чтеніемъ и научнымъ анализомъ важнѣйшихъ отрывковъ и цѣлыхъ произведеній патристической литературы. Въ послѣднее время много говорятъ о недостаткахъ лекціонной системы преподаванія и о необходимости введенія практическихъ занятій. Нельзя не признать этихъ сужденій вполне основательными. Если система практическихъ занятій полезна при изученіи всякой науки, то она положительно необходима въ преподаваніи всѣхъ видовъ литературы. Какъ бы талантливо и вѣрно не излагалась си-

стема идей извѣстнаго автора, слушатель обыкновенно выноситъ лишь отвлеченное понятіе о его литературныхъ трудахъ. Научный анализъ по необходимости разрушаетъ литературное цѣлое и не можетъ воспроизвести тотъ живой духъ, который вѣетъ въ каждой строкѣ изучаемаго автора, когда знакомишься съ литературнымъ произведеніемъ лично. Оттого одно чтеніе искусно выбранныхъ отрывковъ даетъ учащимся болѣе живое понятіе объ изучаемомъ авторѣ, чѣмъ многотомное изслѣдованіе о немъ. Лекціонная система не можетъ дать учащимся даже и хорошаго знакомства съ методомъ разработки науки, не рискуя сдѣлать чтенія слишкомъ скучными и сухими. Лекторъ не можетъ обнаруживать передъ своей аудиторіей всю ту черновую работу, которая привела его къ извѣстнымъ выводамъ. Съ другой стороны, изложеніе однихъ только выводовъ страдаетъ догматизмомъ и не даетъ понятія о томъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ историческими памятниками.

Искреннее желаніе принести посильную пользу отечественной богословской наукѣ и послужить дѣлу преподаванія патристики въ Академіи, сзнакомиться съ методами преподаванія и особенно съ постановкой практическихъ занятій по патристикѣ въ германскихъ университетахъ—побудило И. В. Попова отправиться за границу.

Къ столь краснорѣчивымъ доводамъ автора, приведеннымъ имъ для оправданія своей поѣздки за границу, едва ли нужно что прибавлять. Вопросы, возбужденные И. В., можно назвать жгучими вопросами. Ихъ значеніе для школы ясно можетъ представить только тотъ, кто стоитъ весьма близко къ школѣ, видитъ постоянно ея недочеты, болѣетъ душой день и ночь за ея извѣстныя хроманія и на глезнѣ и на плеснѣ. Вотъ почему мы горячо привѣтствуемъ эту поѣздку И. В. за границу и отъ всей души желаемъ ему полного разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, которыми такъ занята его душа.

Мы думаемъ, что заимствовать хорошее не стыдно никогда, кому бы это хорошее не принадлежало. Вотъ почему св. великіе отцы церкви не считали для себя постыднымъ учиться даже въ языческихъ школахъ у извѣстныхъ противниковъ и враговъ христіанства. Никто изъ нихъ не остался въ этихъ школахъ, не смотря на всѣ соблазны, какими ихъ старались иногда задержать здѣсь. Выходя изъ языческихъ

школь, они становились непобѣдимыми полемистами, защитниками христіанства предъ языческими писателями, императорами, чудными проводниками христіанскихъ началъ въ жизнь общества. Отъединяясь отъ живыхъ и здоровыхъ теченій умственной жизни Запада, не обрекаемъ ли мы себя на застой и не тормозимъ ли дѣло успѣшнаго развитія у насъ науки? Отъ души пожелаемъ, чтобы у насъ меньше было людей, похожихъ на извѣстныхъ помѣщиковъ, желанія которыхъ „не перелетали за частоколъ, окружающій ихъ домъ“.

А.
